

Пуля в голове

Максим Александрович Ехлаков

Часть I

Конец пути

1

Пыль на сапогах. Солнце слепит, но не согревает. Кругом до горизонта — чужая равнина. Нет, не так: она та же самая, только зло пропитало ее, проникло в самую ткань пространства, в мельчайшие частицы материи, повисло в воздухе белесой пеленой из-под копыт, и с каждым вдохом садится в легкие, впитывается в кровь, достигает мозга и остается там, накапливается, нашептывает страшное: «Тебе здесь нет месста, уйди, отступисссь, покайсса, убийца, убийца, ложиссь здддддддд под мосст, зззззззззззз...», и однажды я поддамся.

Однажды, но не сейчас.

Рано.

Прищурился, прикрыл ладонью глаза. Там, за чужим горизонтом, за пепельным пологом пыльных небес, уже виден конец пути. Цель. Размытый, дрожащий мираж, деталей не разглядеть — но вот он, грозит небу иззубренными шпильями и пустыми глазницами окон. Надо идти, потому что больше нет никого, все мертвы, и если не я, то никто не придет, никто не исправит этот мир.

Шаг.

Еще шаг.

— Ты не дойдешь.

Удушливый, но ледяной ветер ударил из степи, тучи пыли поднялись к небесам, слились с облаками, и голос из серой мглы произнес:

— Отступись.

Или это шепчет зло в голове? Но вон же, вон: впереди, на пределе зрения истерзанных глаз — размытый черный силуэт. Человек поднимает руку.

— Ни шагу дальше. Тебе не одолеть нас.

Шаг.

Ветер ревет, рвет кожу, пронизывает до костей, парализует.

— Мы победили. Смирись и уйди.

Шаг.

— Намуш ниндуг дингирракам!

Земля провалилась под ногами, а мир бросился на меня сверху, тяжелея, твердея, темнея, накрывая яму дубовой плахой безысходности.

Буммммм!

Все стихло, и только тьма вокруг. Я умер и похоронен. Или не умер? Какая разница, ведь пути назад нет.

— Проснись.

Голос тихий и невнятный, и как будто детский.

Гвозди застонали и подались. Крышка сна приподнялась, впустив в затхлое небытие ослепительную реальность.

Первым возвращается слух, и сырая пустота наполняется шелестом тростника, свистом ветра в сухих ветвях, плеском воды, криками птиц невдалеке.

— Просыпайся, стрелок.

Услышав обращение, я разлепляю веки и тут же зажмуриваюсь снова, спасая глаза от плещущего холодным огнем апрельского солнца. Рука сама ложится на рукоять пистолета, готовая стрелять на звук: не впервой.

— Чего надо?

— Вставай! — маленькая ладонь легонько встряхивает плечо. — Пойдем.

Ребенок стоит у изголовья. Девочка, сколько ей лет — десять? двенадцать? — слишком худая даже по нынешним временам, одетая в лохмотья.

— Убери это, — она берет пистолет за ствол и отводит в сторону от себя — надо же, все-таки удивительная штука мышечная память.

— Кто ты?

— Я Анна, — говорит она. — Пойдем.

— Куда?

— Туда, — она показывает вдаль. — На север. Мне нужно туда. Очень.

— А мне?

— Помоги мне. Ты можешь помочь мне, стрелок? Идти далеко, мне нужен проводник. Это ты.

— Почему я?

— Потому что больше нет никого, все мертвы.

Как это возможно...

— Кто ты?

— Я же сказала. Меня зовут Анна. Мне нужно на север. А тебе? Куда ты идешь?

Я молчу. Куда я иду? Я не помню вчерашнего дня, не знаю, что будет сегодня. Но я знаю свою цель.

— Тебя не касается.

— Как грубо, — она скривилась. — Впрочем, это понятно. Пойдем. Нам по пути.

«Нам *не* по пути», — собираюсь сказать я, но слова высыхают по дороге и скатываются обратно в горло, заставляя меня кашлять до слез. Когда я снова могу дышать, девочка — Анна, ее зовут Анна — уже стоит на склоне и смотрит на меня.

— Ну?

Я жду. Ждать — это мое. Никто не ждет лучше стрелков. Все остальные не столь терпеливы. Анна не исключение, она отворачивается и идет прочь. Я смотрю ей вслед. Прощай, Анна. Мы больше не увидимся. Теперь я тебя забуду, как и многих других прежде тебя. Прекрасное умение — стирать ненужные воспоминания. Небольшое усилие — и равновесие восстановится. Я закрываю глаза, но вместо успокоения продолжаю думать о ней. Вот она идет вдаль, вот солнце искрится на ее бледных волосах. Тонкая, хрупкая, одинокая. Конечно же, она скоро погибнет. Странно, что она вообще до сих пор жива. Сколько времени она ходит одна? Куда идет? Почему тревожит меня, зовет с собой? Странное создание, еще совсем ребенок, но что-то недетское есть в ней. Какое-то упорство, настойчивость, понимание собственной цели. А что это за цель?

Я открываю глаза. Тоненький силуэт Анны маячит вдалеке, она уже на дороге. Что у нее за цель, куда она идет? Вдруг ее цель та же, что и моя?

Я вырываю себя из объятий земли, подхватываю мешок и оружие и бегу следом. Конечно же, я не пойду с ней до конца. Я всегда могу остановиться, пойти в другую сторону. Мне только нужно узнать о ней побольше.

Мы шагаем достаточно быстро, медлить нельзя.

— Куда мы идем?

— На север.

— Что там?

— Пока ничего.

— Тогда зачем идем?

— Нужно.

— Почему?

Анна смотрит на меня, и я вижу языки пламени в ее черных глазах.

— Ты узнаешь. Когда и если будешь готов.

— К чему?

— Готов узнать.

— Как это — готов?

— Я пойму. И ты поймешь.

— Почему не сейчас?

— Не время.

— Скажи хоть что-нибудь! — я останавливаюсь. —
Иначе не пойду дальше.

— Пойдешь, — Анна продолжает идти. — Ты не можешь не идти.

«Могу и не пойду», — сказал бы, но молчу. Молчу и иду дальше. Как это возможно, почему я иду за ней? Наверное, какая-то давняя истлевшая память шевелится на дне сознания и заставляет идти следом. Что-то, чего я уже и не помню, но что вот-вот прорвется. Посмотрим, что это.

2

— Стой.

— Что такое? — Анна останавливается и смотрит недовольно.

— Деревня, — я указываю вперед. Над холмом виднеются серые скаты крыш, топорщатся тополя.

— И что?

— Неизвестно. Нужно быть осторожными.

— Ну, пойдём осторожно.

Мы входим в деревню и я понимаю, что опасности нет. Грязь на улице, последние рыхлые сугробы между домами — всюду только цепочки старых волчьи следов.

— Тут никто не ходил много недель. Никого нет.

— Есть. Я слышу.

Я напрягаю слух — капает с крыш вода, трется об изгородь и стонет ветла. Ни шагов, ни дыхания вокруг. Не скрипят двери, не хлопают ставни, не звенит цепь в колодце. Не храпят лошади.

— Что ты слышишь? Здесь пусто.

— Там, — Анна идет вперед, обходя лужи.

Мы выходим на маленькую грязную площадь, и я понимаю, о чем она говорила. Полусгоревшая деревянная церковь вздымает к небу обломки стропил,

как ребра вскрытой грудной клетки, разбитый купол сброшен в грязь, ветер свистит в глазницах окон. Дверь выломана изнутри, и на пороге лежат тела.

— Вот они, — говорит Анна. — Но не беспокойся, они спят.

— Спят?

Я зачем-то подхожу ближе. Тела уже почти оттаяли. Снег и лед, копоть и грязь скрадывают черты, но раны от пуль видны отчетливо. Они не сгорели, нет. Их хотели сжечь, но они выдавили дверь, и их добились прямо в проеме. Внутри помещения тоже тела, но те, разумеется, обуглены: немногие успели выйти наружу навстречу легкой смерти. Тел внутри столько, что они стоят там жуткой плотной толпой. Интересно, кто это сделал? Красные? Должно быть, хотя и белые тоже могли. Да и зеленые. Сейчас много всякой нечисти ходит по земле. Например, я.

— Слышишь? Ты слышишь? — Анна трясет меня за рукав. Я отбрасываю мысли и понимаю, что теперь тоже слышу.

Песня.

Песня на непонятном языке.

— Что это?

— Вон там, — Анна показывает куда-то.

Мы осторожно идем на звук. Покосившийся сарай, решетка у самой земли — протяжное пение слышится оттуда: «...Гёрюнюёр яндым аман бизе серха-а-ад ё-о-оллары...»

— Кто здесь? — я приближаюсь.

Песня обрывается.

— Иди сюда, шакал, сын шакала!

— Кто ты?

— Выпускай меня и узнаешь, красная обезьяна!

— А ты какая обезьяна? Черная?

— Я видел тебя! Видел таких как ты, красных! Видел и резал. И тебя зарезу, паршивая собака, у Энгинбея с красными разговор короткий.

— Пойдем отсюда, — говорю я Анне. — Это какой-то дикарь. Пусть сидит себе, — но она не слушает меня, подходит к сараю и отпирает его.

Дверь тут же распаивается, из темноты вылетает ком ярости. Лысая голова, борода, потрепанный халат, все предельно грязное. Я понимаю, что сейчас будет, отбрасываю винтовку и мешок и готовлюсь.

Дикарь бросается ко мне, оглушает смрадом никогда не чищенных зубов и немытого тела. Мы падаем наземь. Он ревет и стискивает меня, но и я не отстаю, хватаю за бороду и запрокидываю его голову, а второй рукой ударяю в горло — легко, но правильно. Рев тут же переходит в хрип и кашель, а хватка ослабевает. И вот я уже наверху, крепко держу поверженного врага.

— Впечатляет, — говорит Анна.

— Шакал паршивый, — стонет дикарь. — Ну, что, убей меня, почему ты не убиваешь меня.

— Мне это не нужно.

Тот затихает в изумлении.

— Ты не красный?

— Нет.

— Но ты был красным?!

— Был. Больше нет.

— Зачем перестал?

— Понял, что это не мой путь.

— Так ты теперь белый?

— Нет.

— А какой?

— Никакой, — отвечаю я. — Я сам по себе. Я никому не нужен, и мне не нужен никто.

Дикарь молчит, осмысляя услышанное. Я выпускаю его и поднимаюсь с земли.

— Кто ты, брат?

— Целминьш. По имени — Юрис.

— Я Адам Энгин-бей, — говорит дикарь. — Позволь идти с тобой. Ты спас меня из темницы, я обязан тебе. Но у меня ничего нет, все отняли красные обезьяны. Я как все верну, так отплачу тебе.

— Тебя спас не я, а она, — я показываю на Анну.

— Оф, офф, — говорит дикарь. — Так позволишь?

— Пусть идет, — говорит Анна.

Я киваю.

Мы уходим из деревни. В воздухе уже чувствуется запах оттаивающих тел.

3

Басмач не может молчать. Он то поет песни на своем гавкающем языке, то задает тысячи вопросов, то рассуждает вслух, а то и просто высказывает мнение по поводу всего, что видит, слышит или чувствует. В этом он полная противоположность моей молчаливой спутницы. Он открыт, прямолинеен и иногда по-детски наивен, к тому же пребывает в приподнятом настроении после освобождения.

Анна совершенно не прислушивается к его бормотанию, но я почему-то цепляюсь за знакомые слова и то и дело погружаюсь в его судорожные мысли. Это утомляет, но перебивать его не хочется. Пусть лучше болтает, чем молчит и думает.

Вдруг он останавливается.

— Что такое?

— Время намаза, — он снимает толстый пояс и раскатывает его, превращая в небольшой грязный коврик.

— Не здесь, — мы отходим с дороги в низину, в жидкую еще тень одинокого тополя. Там еще лежит снег, но из него торчат голые, но многочисленные ветви поросли — какое-никакое укрытие.

Басмач кладет платок на снег и принимается молиться, вкладывая в это занятие всю душу. Мир исчезает для него. Это завораживает.

— Вон там, — Анна показывает вперед и я вижу сквозь знойное марево над дорогой всадника. Мы пригибаемся.

— Пусть приблизится, — я гляжу на нашего богомольца. К счастью, тот расположился так, что всадник его не увидит, пока не станет слишком поздно.

— Что будем делать?

Я не отвечаю, а вместо этого беру винтовку и прицеливаюсь.

— Подожди.

— Что?

— Пусть домолится, — Анна указывает на басмача.

Всадник едет не спеша, как будто давая Энгин-бею время закончить молитву. Я жду, я удивительно спокоен. Может быть, оттого, что враг один — а в том, что это враг, нет никакого сомнения: сейчас все враги. Может быть, потому что искренняя молитва дикого человека придает уверенности. Я уже вижу — или лишь думаю, что вижу, привыкший наблюдать мир через прицел — лицо всадника, исхудавшее, изможденное, измученное, но оттого лишь более суровое. Вижу я и белую ленту на рукаве, и кресты на груди, и приоткрытую деревянную кобуру, и винтовку в руках, а не за спиной. Он ищет угрозы и вот-вот найдет ее, и тогда шансы сравняются.

Мушка царапает сердце всадника. Я должен стрелять, но не хочу больше быть убийцей. Не хочу и прерывать молитву. Я замираю, задерживаю дыхание, руки деревенеют, глаза перестают видеть что-либо кроме пуговиц на вытертой шинели. Время застывает в ожидании. Краем сознания я отмечаю, что молитва закончена. Ствол ружья будто вытягивается и упирается прямо в грудь всаднику, тот чувствует толчок и видит меня. Я смотрю в его глаза и вижу понимание, вижу, как он вскидывает свое оружие — медленно, слово во сне. Пора.

Бах!

На груди врага расцветает мак. Время возвращается к обычному своему течению, и всадник улетает из седла в грязь. Лошадь, оставшись без седока, отбегает в сторону и останавливается.

— Вай, вай, — Энгин-бей бежит к павшему всаднику, мы торопимся следом. Тело лежит в колее, почти полностью утонув в грязной луже. Басмач обыскивает труп и забирает все, что считает ценным: маузер с кобурой, небольшой нож из сапога, сумку с патронами. Оставляет лишь винтовку, разбившуюся при падении.

— Вай, Юри-джан, хорошо стреляешь, хорошо. Смотри, какой кинжал маленький.

— Надо убрать тело.

Мы отгаскиваем труп в овраг и прикрываем сухой травой, чтобы не было видно с дороги.

— Хороший лошадь, — Энгин-бей ведет животное, гладит его по шее и голове. — Давай заберем его.

— Бери.

— Вай, спасибо, Юри-джан, спасибо! — басмач лихо вскакивает в седло. Он весь лучится радостью.

— Идем, — Анна манит нас за собой. — Скоро вечер.

4

— Раньше Энгин-бей совсем лютый был, — говорит басмач. — Скольких людей зарезал, скольких застрелил. Без счета.

— А теперь что же? — спрашиваю я. Анна идет впереди, ей неинтересны наши беседы.

— Теперь старый стал, не такой лютый.

— Чего ж ты лютовал?

— Эх, никому не говорил, а тебе скажу, люблю тебя, Юри-джан, хороший ты человек. Раньше Энгин-бей был лютый, а еще прежде — добрый был. Богатый. Четыре сотни овец имел, двадцать лошадей. Жену взял за пятьдесят овец. Хорошо. Дети.

— А потом что? Красные?

Дикарь смотрит на меня с прищуром.

— Все понимаешь, да? Красные пришли — овец взяли. Лошадей взяли. Есть нечего. Отвез жену и детей к отцу, а его белые убили, за то, что красным помогал. А он и не помогал совсем. Жену тоже убили, не знаю кто. Дети пропали, не нашел их.

Я молчу, мне нечего сказать.

— Ну, Энгин-бей ушел в горы, к муджахидин. Воевать за своя земля.

— Долго воевал?

— Пять лет. Красной твари извел без счета, и белой тоже. Поезда под откос пускал. Хорошо. Корабли топил на Каспии. Тоже хорошо.

— А что же перестал?

— Устал. Белых много, красных еще больше, а муджахидов мало. Потом и вовсе больше нет никого, все мертвы, один Энгин-бей остался. Винтовку бросил, в пустыню ушел. Долго жил там, ничего не делал. Думал умирать. А потом женщина встретил. Шамхат-Ханым. Она...

— Хутор, там люди, — говорит Анна.

5

Из земли вырастают убогие хатки, столпившиеся вокруг колодца. Дорога проходит поодаль, но как же хочется пройти мимо этого места степью, не приближаясь и даже не глядя на него, чтобы не вызвать ответного взгляда. Предчувствие? Нет, я не верю в предчувствие. Я вижу нехорошие места. Тысячи мелких признаков складываются в общую картину незаметно для разума, и я понимаю, все ли в порядке, или лучше обойти место стороной. Этот хутор — из вторых.

— Это што же, — слышится резкий голос, и я прицеливаюсь. — Это вы-то красные, што ли?

— Нет, — отвечаю я, держа в прицеле расплывшееся от пьянства и драк лицо. Только голос и волосы выдают в нем женщину.

— Ну, так и мы нет, — тараторит она, — ты ружьишко-то опусти, опусти ружьишко-то.

— Кто ты?

— Я-то? Я живу тут, как есть живу. Тридцать годов, почитай, с самого-то нарождения. Галей звать, Орешко Галя. Ты ружьишко-то...

— Кто еще тут?

— Как же, как же. Ишшо татушко мой Нанай Нажагаевич, да муж мой, Нургалий Нажагаевич. А детушек

нема, детушек бог не послал, уж за что нам казнь така вавилонска, — Галя залилась слезами, но, кажется, неискренне.

— Что же, мы пойдем, — сказал я.

— Да как же, идите, идите куда шли, и слова не скажу поперек. Да ведь я зачем вышла-то на шлях, вышла-то зачем. Вижу, люди идут хорошия, добрыя люди-то, думаю, помогут старой казачке, как не помочь. Время ноне тяжёло, надо помогать.

Я замер.

— Помощь ведь нам нужна. Татушко мой совсем старый стал, из ума выжил уже, какой с него спрос. А давеча и муж мой Нурша, Нургалий Нажагаевич, от красных пострадал и через то нам теперь как есть люта кончина, люта!

— Да что за помощь-то?

— Што за помощь? Расскажу, как есть расскажу. Поможете, поможете бабе, одна баба осталась, некому бабе помочь, был татушко, да обезумел, был муж, да пропал, некому помочь, некому, а вы поможете. Ведро в колодец упало, утонуло ведро, последнее, худое, как есть худое, да хоть такое было, а теперь и того нету, нечем воды достать, через то от жажды погибаем.

— Что же, ведро из колодца достать надо?

— Я-то сама не могу, хромая, по молодости на лошадях добренько скакивала да упала, с той поры нога-то и не гнется, не сгибается, еле ковыляю. Оттого и

прошу добрых путников, могла бы сама — ни в жись не просила бы.

— Показывай, где колодец? — говорит басмач. Если б я мог, я бы его ударил сейчас. Вот зачем он это говорит?

— Покажу, родненькой, покажу, айда за мной, айда — Галя разворачивается и суетливо семенит к хутору, басмач едет следом.

— Ты тоже иди, — тихо говорит Анна. — Он один не справится. Я подожду тут.

Колодец посреди пустыря — большого двора? или маленькой площади? — в окружении облезлых сараев. Окна и двери плотно закрыты покосившимися ставнями, и я ощущаю угрозу. Надо быть начеку.

— Вот же, вот он, колодец-то.

Басмач спешивается, заглядывает в глубину.

— Как спуститься?

— Так по веревке, родненькой, по веревке, сейчас принесу, — Галя ковыляет к одному из сараев, открывает дверь, и я вижу внутри старика. Он сед и бородат, одет в белые лохмотья, на глазах его бельма, но я почему-то чувствую его пристальный взгляд.

— Это татушко мой, — говорит Галя. Она несет моток веревки. — Дома сидит, почитай, пятый год, никуда не пускаю его. Привязываю. Как выйдет за порог, так сразу в степь — домой, мол, пойду. Раньше-то он не тута жил, раньше-то. Там жил, там, — она машет рукой, будто указывая куда-то.

Подозрительная баба привязывает веревку к столбу и опускает в колодец.

— Вот веревонька, вот она, родненька. Полезай, добрый человек, там оно, ведро-то, там.

Басмач скрывается в темной дыре. Снизу доносится его пыхтение, затем плеск воды, а затем...

Нет, не так.

Долговязая фигура Энгин-бея исчезает в жерле колодца, как шомпол в стволе, и внутри меня поднимается щемящее ощущение надвигающейся угрозы. На границе восприятия я слышу, нет, чувствую кожей, как осторожно открываются двери в сараях позади меня, как кто-то выходит оттуда и бесшумно идет ко мне. Впрочем, не совсем бесшумно — легкие шаркающие шаги по засохшей траве выдают их. Я понимаю, что в западне, и действую.

Из колодца слышится крик басмача, но мне пока не до него. Первый выстрел разрывает голову женщины-монстра. Я прыгаю через колодец, перекатываюсь и беру на прицел тех, кто позади меня. Четверо человек — человек? — в тех же белесых лохмотьях, седые, старые, слепые, в руках молотки, кочерги, мотыги. Они понимают, что преимущество утрачено, и бросаются наутек удивительно быстро. Мой второй выстрел достается самому крупному врагу, он падает ничком, роняя молоток, но остальные прячутся в сараях. Угрозы больше нет.

Я подхожу к колодцу. Басмач беснуется внизу.

— Поднимайся, я помогу! — кричу я и вытягиваю его на веревке наверх. Он мокр, напуган и зол.

— Нет ведра, понимаешь, нет его! Обманула старая обезьяна! Кто стрелял?.. — тут он видит тела, подходит и переворачивает седого монстра. — Сын шайтана! Ты правильно сделал, что убил его, Юри-джан. Он оскорбляет Бога уж тем, что существует.

— Здесь есть другие такие же, — говорю я. — Точно есть трое, но, может быть, и больше. Надо уходить.

Энгин-бей плюет на труп и кивает.

6

Снег остался только в самых глубоких низинах. Волны холмов желтеют первоцветами, кажется, им нет конца. Запах цветов, сырой земли и гниющей травы, да жара, да постоянные подъемы и спуски — тягучее, однообразное движение утомляет и убаюкивает, даже басмач больше не говорит и не поет. Впрочем, может быть, на него так подействовала вода из проклятого колодца.

Тишина.

Тишина такая, что слышен хруст песка под ногами Анны, что идет далеко впереди. Как будто только этот звук и остается от мира, а все вокруг — мираж, подернутый знойной дымкой, оптический обман, и ничего этого нет, ни беспощадного солнца, ни разбитой дороги, ни истлевшего неба, ни моих странных попутчиков, ни даже меня, а есть лишь песок, что хрустит под чьим-то сапогом. Разве мы все не песок под ногами мироздания?

А если все это и правда сон, бесконечный кошмар, а настоящая жизнь — там, где стоит за горизонтом громада Башни, где все холодно и ясно, где зло абсолютно, но и абсолютно понятно, где я знаю, куда я иду и зачем? Как же мне пробудиться?

— Люди вон там, — Анна показывает вдаль.

Басмач тотчас съезжает с дороги в лог укрыться от чужих глаз, а я, пригибаясь, хватая истлевший ковыль, поднимаюсь на вал.

Двое под раскидистой вербой. Это всадники: лошади привязаны в стороне. Красные повязки на рукавах видны даже издали.

— Переждем, — говорю я, — посмотрим, что будет дальше.

— Нет! — говорит Анна излишне громко, но продолжает уже спокойнее, — мы не можем ждать. Придется убить их.

— Но как? Их двое. Я убью одного, но второй успеет скрыться.

— Убей их одним выстрелом. Я знаю, ты можешь. Я могу.

Я помню те лютые ночи на Тирельском болоте, когда ты не чувствуешь рук и ног, и единственное, чего хочется — это лечь на дно траншеи и превратиться в кровавый лед, лишь бы перестать ощущать этот адский холод, но ты преодолеваешь себя и снова и снова берешь на прицел врагов, крадущихся между сосен, и снова и снова приносишь жертвы Матушке-Земле.

«Берегите патроны, ребята! — кричит Петерс. — Помощь близко, но и неприятель тоже. Один выстрел — два трупа, только так!»

Только так.

Я прицеливаюсь. Красные о чем-то говорят, я не слышу их голосов, но время снова застревает, и

я вижу их, вижу прорехи на шинели, страшный шрам на щеке, щетину, грязные волосы из-под пожелтевшей папахи, старые винтовки. Медленно-медленно двигаются они, как в нелепом танце, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга, пока наконец не сходятся на линии выстрела. Ствол мой неощутимо толкает красного в спину, и хоть он стоит ко мне задом, я вижу, как напрягается его тело, замирает дыхание — он начинает понимать, что сейчас случится.

Бах!

Дело сделано, оба врага повержены.

Я перезаряжаю оружие и вижу, как из-за вербы выбегает третий всадник и скатывается в низину, пропадает из виду.

— Черт.

Я ищу его прицелом, нахожу, но поздно: он появляется уже верхом и слишком далеко. Я стреляю не целясь, и попадаю лишь в руку. Она разлетается яркими, радостными брызгами, но он остается в седле. Он уходит. Уходит!

— Черт!

— Ты не знал. Мы не знали.

— Он поднимет тревогу.

— Пусть. Дорога пока свободна, идем.

— Лошадей возьмем, — говорит басмач. Он пришел на выстрелы. — Лошади хорошие. Все верхом будем. Быстро поедем.

Красные лежат один на другом, как любовники, обнаруженные и убитые ревнивцем. Пуля, прошед-

шая навылет, сейчас торчит среди пятен крови в коре на стволе вербы, как толстый гвоздь. Я зачем-то нагибаюсь, поднимаю потную папаху, слетевшую с головы мертвеца, и вешаю ее на пулю.

— Зачем это? — спрашивает Анна.

Я пожимаю плечами.

— Захотелось.

Мы забираем оружие и патроны, и едем дальше уже верхом. Анна теперь позади нас с басмачом. Тот снова болтает без умолку, радуясь новому маузеру, но мне даже приятно слышать его.

Дорога спускается в широкий овраг.

— Внизу река, — говорит Анна. — Переправу охраняют.

Я не отвечаю и спешиваюсь. В глинистой колее видны свежие отпечатки копыт и капли крови.

— Что там, Юри-джан? — спрашивает басмач.

— Они знают, что мы идем, — говорит Анна. — Раненый всадник проехал здесь недавно. Часовые предупреждены.

— Юри-джан, ты застрелишь их, да?

— Посмотрим.

Мы прячем лошадей в логоу и подползаем к самому обрыву. Сухая полынь скрывает нас, но надежно ли?

Вот мост внизу, весь как на ладони. Часовых не видно, но они там, я чувствую: прячутся в окопах по обе стороны дороги. На том берегу виднеются лошади, вьется дым костра. Здесь человек пять, не меньше.

— Где часовые? — спрашивает басмач.

— Вон справа траншея, — я указываю на бруствер из мешков с землей. — Там двое: видишь дым? Они курят. Слева в траншее тоже кто-то есть, я чую. И еще за мостом.

— Как же убить их всех?

— Сейчас — никак. Будем ждать ночи.

Мы садимся в кустах на склоне по другую сторону дороги, так, чтобы видеть и край моста, и дорогу, и степь — никто не пройдет незамеченным. Басмач и Анна спят, а я сижу и смотрю на заходящее солнце. Неисчислимы века день за днем оно вот так спускается, становясь золотым и алым, дарит людям неземную красоту в небесах, а затем ныряет за шершавый горизонт, уступая место ночи — зачем? Ради чего?

Солнце наливается кровью и тонет в сумерках. Из степи прилетает ветер, полный весеннего дурмана и влаги, уже не знойный, а, напротив, прохладный, мягкий, живой. Небо угасает моментально, и звезды спускаются к самой земле, дрожа в остывающем воздухе.

Пора.

Я бужу басмача.

— Ждите. Я все сделаю. Будьте наготове.

Он кивает. Анна садится, подобрав колени. Я достаю пистолеты — я ношу их под шинелью, чтобы иметь преимущество во внезапном бою, и Энгин-бей одобрительно цокает языком. Пистолеты-мутанты, почти ружья — да, собственно, это и есть кавалерийские карабины Маузера со спиленными приклада-

ми — каждый раз они исправно спасают мне жизнь, отбирая чужую.

Я проверяю магазины и ухожу в ночь. Рукоятки пистолетов словно вырастают в мои ладони. Мир затих в ожидании. Звезды и кометы разыгрывают над головой фантастические пьесы, но я не вижу их великолепия. Я вижу лишь врагов впереди, тех, кто жаждет моей смерти, но не получит ее сегодня, о, нет.

Как тень я скольжу над дорогой, над пожухлой полыньей, и выныриваю из темноты между окопами. Красные что-то кричат, хватают винтовки, но время опять помогает мне, замедляя свое течение. Бах! — и двое врагов в правом окопе падают, пораженные одним выстрелом. Я чуть пригибаюсь, уклоняюсь от неприятельской пули, бах! — и враг слева тоже заканчивает свой путь.

Стараясь не упустить ни мига, я бегу на мост — быстрее, быстрее, как можно быстрее достичь другого берега. Враг появляется из ниоткуда, видимо, из тени ограждения, но тут же падает замертво. Я мчусь что есть сил. Двое врагов впереди, на том берегу. Я откатываюсь в сторону, чтобы уйти от выстрелов, полсекунды на прицеливание, бах! — и ближайший из врагов орошает кровью песок. Я снова бегу, середина моста уже близко, но что держит в единственной руке последний красный? Неужели гранату? Я припадаю на колени, прицеливаюсь и стреляю, но он успевает бросить свой снаряд прежде чем застыть навсегда.

Я разворачиваюсь — медленно, слишком медленно — и успеваю сделать лишь шаг. Позади развертывается огненное безумие, волна жара подхватывает меня, уносит с моста, швыряет на прибрежные камни, осыпает осколками. Пыхающий мост стонет и рушится в реку. Переправы нет больше.

На юге небо становится багровым.

— Это хутор, — говорит Анна. — Каратели сожгли его.

— Каратели?

— Они идут за мной.

— Кто они?

— Не важно. Нам нужно двигаться. Поедем вдоль реки на северо-запад.

7

Светаает.

Мы стоим у самой кромки воды, между густыми ивами. Листьев пока нет, но темень укрывает нас хорошо. Анна спит в развилке старого ствола, Энгин-бей — прямо в седле, привалясь к гриве лошади. А я спать не могу. Я гляжу на воды реки, медленно утекающие к далекому уже морю. Плещет рыба, где-то шумят крыльями водяные птицы. В этот час весь мир становится серебряным. Наверное, так выглядит место вечного упокоения: там тоже всегда тишина, предрасветный полумрак, и так же бесконечно текут летеиские воды, приносящие радость забвения. Остаться здесь, прорасти в этот берег, и больше никогда не думать ни о чем — хороший конец пути. Но нельзя, ведь цель моя еще впереди. А там — увидим.

Спутники мои просыпаются с солнцем, и мы сразу отбываем. При свете дня река уже не прекрасна: разлив поднимает муть, мусор и тлен, накопившиеся на берегах за долгую зиму, и все это плывет теперь мимо нас, цепляясь за ивы и размытые берега, словно в отчаянной попытке спастись.

— Смотри, — басмач показывает вперед.

Там вдалеке виднеется мутное пятно, будто облако тьмы прилегло отдохнуть на склоне. Я не сразу понимаю, что это.

— Кедровая роща, — говорит Анна. — Надеюсь, нас пропустят.

Деревья растут очень тесно, густая хвоя создает сумрак, снег здесь почти нетронут весенней жарой. Мы въезжаем в тень, и все меняется. Звуки степи уступают место напряженной тишине. Ровные ряды стволов, как колонны — роща высажена людьми, а то и кем-нибудь похуже — холод и молчание, как в склепе. Нехорошее место.

Но мы едем дальше, потому что нам нужно ехать. Впереди просвет, и мы оказываемся на поляне, как в глубокой яме. Здесь так же тихо, а посередине стоит высеченный из цельного ствола двухсотлетнего дерева идол, вокруг — идола поменьше.

— Кто вы? — из-за идола выезжает всадник. Он вооружен, но оружие убрано. Он толст, чуб и усы придают ему лихой вид и тревожное сходство с самим идолом. — Что делаете здесь?

— Мир тебе, — говорит Анна. — Мы идем своим путем, атаман. Пропусти нас, и мы уйдем.

— А це кто? — он указывает на басмача. — Турок?

— Он с нами. Он не причинит вреда. Позволь нам пройти.

— Никому не дозволено просто так через мой лес ехать, — атаман говорит с южным акцентом «мий лис». — Да еще и с турками. Верно, хлопцы?

— Верно! — из леса показываются еще всадники и пешие, все такие же чубатые.

— Кому вы служите? — спрашиваю я, кивая на идолов. — Перконасу? Ну, так и мы тоже.

Я вижу, как басмач кривится при этих словах, но, к счастью, ему достает сил не взорваться.

— Перун батька наш, верно, — говорит атаман и расплывается в нехорошей улыбке. — А я-то думаю, вы безбожники. Чи магометане. Ну, коли так, творите требу Перунову, да езжайте с миром.

Я спешиваюсь и подхожу к главному идолу. Он толст и усат, вылитый атаман — наверное, тот в тайне считает себя божеством. А может, и не в тайне. Земля вокруг идола усыпана жертвами: винтовки, пистолеты, даже какие-то древние пищали. Патроны, пули, шомполы. Все, что хоть как-то имеет отношение к огнестрельному оружию. Конечно, что еще можно приносить в жертву богу грома в наше время. Хотя и холодное оружие — ножи, сабли, штыки — тут тоже имеется. Алтарь агрессии.

Я беру свою винтовку, отобранную у красных, и молча прошу вторую у басмача. Тот нехотя расстаётся с ней, понимает, что так надо. Я кладу винтовки к идолу, высыпаю туда же из мешочка патроны.

— Довольно ли?

— А сам як разумеешь?

Я молчу. Атаман явно не намерен ограничиться этим.

— Ну, хорошо.

Я снимаю свою винтовку и кладу ее к идолу. Хорошая винтовка, но таких много, ее не жалко. Потом отцепляю от пояса чужой маузер и тоже отдаю его богу грома.

Басмач смотрит на это с застывшим лицом, он понимает, что сейчас будет.

— Отдай.

Я беру его маузер. С каким же нежеланием он отдаст его. Кажется, еще немного, и он заплачет.

— Все, — я поворачиваюсь к атаману и развожу руками. — Теперь довольны?

— Довольно ли, хлопцы? — спрашивает атаман, и я слышу нестройный хор одобрения.

— Проезжайте! Атаман Гулавый слово свое держит. Все о том ведают.

Мы едем дальше. Казаки провожают нас взглядами, и я ощущаю за улыбками зло, а за интересом алчность.

— Они не отпустят нас просто так, — тихо говорит Анна. — Догонят и застанут врасплох. Для этого и отобрали все оружие.

— Значит, мы будем готовы, — отвечаю я.

Лес становится светлее и вдруг кончается. Мы опять в степи. Лошади храпят, почуяв свежий ветер.

— Ходу! — мы переходим на рысь. Скорее выйти на дорогу, где не будет заметно следов.

Через полчаса въезжаем в удобный ложок, заросший вербами. Я заползаю на кручу и наблюдаю.

Анна права: вскоре на дороге показывается отряд казаков Гувавого. Нас они не видят и следуют дальше. Они едут быстро, но не торопясь, словно знают, что нам некуда деваться, это немного настораживает.

— А может, вернемся и убьем их? — басмач жаждет крови. — Вернем оружие и накажем за вероломство. И за язычество. Как велит Пророк, да будет с ним благословение Всевышнего.

Я киваю. Заслуживает ли Гувавый смерти? Он разбойник и убийца, он служит Перконасу не по-настоящему, а в шутку, но это все не так уж важно. Без него мир вздохнет свободнее — вот что имеет значение.

И вот мы снова входим в неприятный лес, но на этот раз пешком и разделившись.

Снег рыхл и я проваливаюсь в него по колена, ощущая под ним воду, которая предательски хлюпает. Но в лесу я как дома, лес и есть мой дом. А дома меня никто не победит. Без лошади, стоя на земле, я слышу деревья и знаю, что видят они. Я вижу казаков и убиваю их одного за одним, бесшумно, подкрадываясь к ним под прикрытием вековых стволов. Разбойники даже не понимают, что происходит, когда жизнь покидает их в тишине душного леса.

Вот и поляна, там люди и лошади. Из чащи выныривает Энгин-бей, на его ноже кровь, глаза его горят.

— Пятерых зарезал, — хвастается он. — Ай, хорошо, как раньше.

— Я тоже, — говорю я и достаю свои пистолеты. Он показывает два маузера, отнятые у казаков. — Пора.

Мы подползаем к краю поляны и выбегаем на открытое пространство. Время замедляется, как всегда, и начинается пляска смерти. Казаки разлетаются, как осенние листья от ветра, кто-то бежит к лошадям, но лишь чтобы мертвым упасть из седла. Гувавый хочет уйти, но кто-то — Энгин-бей? — убивает его лошадь, и тот валится в снег.

Наконец, из казаков больше нет никого, все мертвы. Я прячу опустевшие пистолеты, и мы подходим к поверженному атаману. Он жив и грозит нам, барахтаясь в глубоком снегу, и вдруг лихо вскакивает на ноги. В руке его шашка.

— Не возьмешь! Никто Гувавого не брал!

Он надвигается на меня, я отступаю, но где же басмач? Вдруг Энгин-бей оказывается между мной и атаманом, у него тоже сабля, видимо, из жертвенного оружия.

Поединок!

Я заморожен. Смотреть на людей, умело делающих свою работу, всегда приятно. А басмач, как видно, умеет биться на саблях, да и Гувавый ничуть не уступает ему, несмотря даже на толщину. В смертельном танце они кружатся среди идолов, осыпая их искрами из клинков — Перконас будет доволен.

Но время идет, и я понимаю, что басмач выдыхается. Он больше отступает, чем нападает, и некоторые атаки врага даются ему тяжело. Наконец, он совер-

шает ошибку, оступает, и Гувавый выбивает саблю из его руки.

Дело принимает угрожающий оборот. Я перезаряжаю пистолет, но в тот самый миг, когда я прицеливаюсь, приходит ветер.

Лес наполняется шумом, который переходит в тревожный гул. Деревья раскачиваются и трещат, сухая хвоя и шишки дождем осыпают нас. Гуваый роняет саблю, ревет и зажмуривается — сучок попал ему в глаз. Конечно, басмач не упускает такую возможность, бросается на атамана и через секунду тот уже лежит в снегу, а Энгин-бей сидит на нем верхом.

Враг ревет от боли и ярости.

Я поднимаю саблю Гувавого и подхожу ближе.

— Отпустите, — ревет тот. — Я все для вас сделаю. Хотите лес — я дам вам столько леса, сколько пожелаете, хоть дворец стройте.

— Не слушай его, режь! — кричит басмач.

— Ах ты рыбий сын! Ты знаешь правила моего леса! Да я мог убить тебя сразу, как только ты вошел на мою землю! Бросить твое мясо стервятникам. Но не стал. Теперь и ты прояви милосердие!

— Не слушай его! Отрежь его башка!

— Ты! Не слушай его! Целминьш ты или кто? Ты же не убьешь хозяина кедрового леса. Как ты можешь слушать его? Отступите, идите с миром, и пусть всего у вас будет вдоволь и поровну. Оставьте мне жизнь.

— Я говорю, а ты не слушаешь меня, Юри-джан, — говорит басмач. — Но ты слушаешь его тухлые речи. Почему? Разве это я обманул тебя? Убей его, покончим с этим.

Я стряхиваю оцепенение и замахиваюсь саблей.

Удар.

Все кончено.

Анна встречает нас у опушки. Из леса доносятся разрывы жертвенных патронов — это горит подожженное басмачом капище.

8

Мы едем молча, происшествие в лесу тяжелой ношей лежит на наших плечах. Басмач погружен в раздумья, но мысли его не в лесу и не на поляне с капищем, а в прошлом гораздо более далеком, это видно по глазам. Я думаю, правильно ли мы поступили, и в глубине души понимаю, что ответа за содеянное нам не избежать. Только лишь Анна по-прежнему невозмутима. Видимо, я пошел с ней не зря: у нее можно многому научиться. Я поражаюсь стойкости и отваге этого ребенка. Как будто она и не ребенок вовсе, а опытный боец.

Все так же молча мы встречаем казаков Гувавого, высланных нам вслед, а теперь возвращающихся ни с чем. Мы сходимся на холме внезапно друг для друга, и мир задерживает дыхание. Я вижу их лица, все сразу: вот они недоумевают, вот расплываются в хищной улыбке, а вот наполняются ужасом при виде головы их атамана, которую я достаю из мешка.

— Прочь! — говорит им Анна, и они подчиняются, и я чувствую в них страх. Они проезжают мимо нас, избегая встречаться с нами взглядами, и скрываются в вечерней пыли.

Мы тоже продолжаем свой путь в тишине.

— Заночуем здесь, — Анна показывает даже не хутор, а пару кособоких сараев над яром.

— А хозяева? — Энгин-бей взмахивает шашкой. — Думаю, лучше сразу всех убить.

— Они спят, — говорит Анна. — Уже давно.

«Спят» — так она говорит о мертвых. Не понимаю, как это возможно в ее возрасте.

Мы ставим лошадей в стойло, а сами идем в амбар, потому что от дома тянет гнилью и заходить туда не хочется.

— Не будем зажигать огня, — говорит Анна. — Сейчас не время. Нужно просто отдохнуть.

Энгин-бей творит вечернюю молитву, ложится на охапку соломы и засыпает мгновенно, рука на рукоятке маузера, шашка без ножен лежит рядом. Анна сворачивается в темном углу так, чтобы видеть вход, сама совершенно скрытая в тени.

Я выхожу на двор. Ночь уже вступает в свои права, гасит остатки солнечного света, выжимая его из облаков, как кровь из драного тряпья. И кровью пахнет суховей из степи. Он слаб, но внутри него тревога, невидимая игла. Мне кажется, что вот-вот усилится ветер — и она пронзит меня, но я не хочу этого и уйду в душную тень старого амбара.

Ветер шипит снаружи, силясь войти, скребет изломанными крыльями по стенам и крыше. «Открой, впусти. Ты не сспрячешшься». Я корчусь на рязном полу, закрываю глаза и затыкаю уши, но голос

идет изнутри, его не заглушишь: «Осстановисссь, сс-стрелок, убийцсса, они знают, шшшто ты здессссь».

— Замолчи! — кричу, — замолчи, пожалуйста! — но голос лишь ускоряется: «Ссмерть, ссмерть тебе, всссе, конецс, ты умрешшшь здессссь, покайссся, сс-скольких убил, не уйдешшшь, не ссспрячешшшьссся, осстановисссь...»

Я вскакиваю и достаю нож. Мне придется сделать это, разрезать уши и достать эту адскую пыль, это семя зла, иначе...

Все стихло, а в дверь постучали.

— Выходи, Юрис. Незачем больше бежать.

— Заходи сам, — я спрятал нож в рукав и поднял винтовку.

— Ну что ж, пожалуй, зайду, так сказать, на огонек, хе-хе — сказал голос снаружи, а затем дверь распахнулась, впустив в сарай солнце — на улице уже день? Или это проклятые разожгли снаружи гигантские костры?

На пороге стоял человек в черном кожаном плаще — вытертом, заплатанном, в подозрительных темных пятнах и брызгах. Пенсне хищно блеснуло в фоновом свете и тотчас погрузилось в тень.

— Здравствуй, Юрис.

— Наконец-то я вижу тебя через прицел.

— От этой пукалки проку не будет, — сказал Черный. — Ты же знаешь. Будет осечка, как и всегда. Стрелки не могут мне навредить. Кстати, давно я не видел никого из них. То есть из вас. Как вас рас-

кидало за столько лет. По горам, по долам, — он захихикал.

Щелк! Осечка.

— Ну, собственно, я же говорил. Впрочем, что взять с такого деревянного остолопа... Хорошо, побаловались и будет. Теперь, когда мы наедине, я скажу тебе то же, что и в прошлую встречу: отступись. Прекрати свои поиски. Тогда все, возможно, останутся живы.

— А если нет?

— Неправильный ответ, — хихикнул Черный. — Ты ведь даже не понимаешь, зачем идешь и куда.

Я понимал. Точнее, думал, что понимал.

— Знаешь, в чем твоя ошибка?

Черный замер в немом вопросе.

— Ты всегда недооценивал стрелков.

Время остановилось, и я выхватил из-за пазухи пистолет, старый верный Маузер-карабин. Разумеется, здесь осечек быть не могло, у Черного нет власти над настоящим оружием стрелков. Но увы: длинный ствол зацепился за подкладку, заставив меня потерять долю секунды. Жалкую долю. Но это решило все.

— Имхуль, имхуль-би иммата-анзиг! — крикнул Черный и одновременно с выстрелом превратился в облако пыли. Ветер завыл, зашумел снаружи, сорвал крышу с амбара, рассыпал стены, я оказался один посреди знойного ада, а белый песок взметнул-

ся стеной и завихрился вокруг, и в оглушающем шуме я различил слова:

— Тогда ты умрешь!

За пеленой песка я почувствовал угрозу, какое-то движение, и выстрелил туда не целясь. Безрезультатно.

— Ты бессилён, стрелок! — продолжал издеваться мой враг. — Ты не можешь победить нас. Отступишь или умри. Или умрут твои друзья.

— Просыпайся, стрелок! — голос Анны едва различим в змеином шипении ветра. — Просыпайся, ты должен проснуться.

9

— Шакалы паршивые! — Энгин-бей кричит и стреляет через приоткрытую дверь. — Обложили!

— Сколько их?

— Двоих Энгин-бей убил, — хвастает басмач. — Еще видел пятерых.

— Их больше, гораздо больше, — говорит Анна. Она по-прежнему прячется в темном углу.

— Кто это?

— Каратели. Проклятые. Я говорила о них. Они идут за мной.

— Зачем?

— Чтобы остановить меня.

— Остановить?

— Чтобы я не смогла окончить начатое.

— Ты говоришь загадками.

— Тебе не следует знать большего.

— Если бы ты рассказала о них раньше...

— Все было бы точно так же.

Я осекаюсь.

— Что делать теперь? Если их много, они нас не выпустят отсюда.

— Надо уходить.

— Уходить? Куда?

— В степь. Просто — уходить. Скрыться, оторваться, хотя бы на время.

— Восемь, восемь злодеев насчитал Энгин-бей, — говорит басмач. — Хорошо, можно прорываться.

На крыше что-то стучит, трещит, и в амбар начинает заползать дым.

— Подожгли! Отродья шайтана!

Я в смятении. Времени на раздумья нет.

— Где они, Энгин-бей?

— Трое справа за сараем, еще двое у крыльца дома, один на крыше. Еще двое в траве слева у дороги.

— Твои слева и на крыльце. Мои — тот, что на крыше, и справа.

— Ай, как хорошо! — восклицает басмач и взмахивает шашкой. В его левой руке маузер, глаза горят недобрым огнем.

— Как только зачистим двор...

— Сразу уходим к реке, — завершает фразу Анна. — Я понимаю.

Мы с басмачом киваем друг другу. Рукоятки пистолетов, выточенные из черного дерева, приятно тяжелеют ладони. Я делаю глубокий вдох, и...

Если бы кто-то наблюдал происходящее со стороны, он бы восхитился. Мы с басмачом второй раз за сутки разыгрываем смертельный балет.

Мы выбиваем дверь и вылетаем на двор из пылающего здания, как огненные демоны. Первым умиряет каратель, забравшийся на крышу дома напротив. Время замедляется, когда он взлетает в воздух, под-

брошенный моей пулей. Он смешно вскидывает руки и валится назад, а я тем временем уже поражаю вторую цель. Из-за сарая выбегает еще один каратель, я перекатываюсь, ухожу от его огня и стреляю в него почти в упор. Третий отступает, отстреливаясь, но и он получает свое.

И в то же время я наблюдаю за Энгин-беем. Вот он уничтожает врагов, притаившихся в сухой траве, не переставая перекатываться и незаметно приближаясь к дому. Вот враги обрушивают на него шквал огня, но он будто не замечает его, в два прыжка оказываясь рядом с крыльцом. Вот шашка его рассекает воздух и без малейшей задержки — тело врага. Вот он перепрыгивает через ветхие перила, обрушивая клинок на второго врага. Вот поворачивается ко мне и видит, что я тоже успешен.

— Бежим! — кричу я.

Амбар рушится, Анна выбегает из огня в последний момент, и мы бросаемся к яру. Позади слышны голоса врагов, я стреляю вполоборота. Анна прыгает с обрыва и исчезает во тьме, следом падаю я. Энгин-бей показывается на кромке, но мешкает, оборачивается и бросается на врагов, настигших его. Еще два выстрела — и его пистолет пустеет и летит прочь. Дальше мы слышим лишь рычание басмача, крики врагов, выстрелы, свист шашки и хруст разрубаемых тел — страшную симфонию смерти. Но вдруг все стихает, и над обрывом появляется лицо Энгин-бея. Он лежит на земле. Он мертв.

— Скорее! — Анна тянет меня за рукав в темноту, в пойменные заросли, и я нехотя поддаюсь, но единственное желание мое сейчас — убивать, убивать тех, кто стоит сейчас у обрыва над телом дикого человека. Моего друга.

Мы мчимся прочь. Ветки хлещут по лицу, но мне все равно. Я не вижу пути, может быть, его видит Анна. Кто она вообще такая? Зачем я бегу за ней? Зачем слушаю ее? Раз за разом она уходит от ответа на мои вопросы, но я почему-то все еще иду следом. Почему у нее такая власть надо мной?..

Заросли вдруг кончаются и мы выбегаем на дорогу прямо под копыта лошади.

— Стой, кто это? — всадник пытается вскинуть ружье, но против меня у него нет шансов, кем бы он ни был. Мы даже не обыскиваем тело, нет времени. Перепуганная лошадь уносит нас следом за ночью, прочь от рассвета.

10

Утром солнца не видно. Небо обметано серыми давящими облаками, они скупно плачут над телами всех мертвецов земли. И скоро одним телом станет больше.

Мы стоим рядом с умирающей лошадейю.

— Добей ее, — говорит Анна. — Не надо заставлять ее мучиться. Она славно помогла нам.

— Но ведь стрелять нельзя, услышат.

— Не стреляй, но добей, — настаивает Анна.

Я достаю нож и вспарываю несчастному животному артерию. Но аккуратно, чтобы не испачкать одежду. А вот Анне, наоборот, не везет, кровь обдаёт ее тугой струей с головы до пят. То есть, конечно, это я специально выбираю нужный момент и угол надреза.

— Зачем это? — спрашивает Анна, но раздражения или неудовольствия в ее голосе нет. Только удивление.

— Извини.

Мы идем по все сильнее размокающей дороге. Серость и влага скрывают горизонт. Солнце уже должно быть высоко.

Пойма вдруг раздается вширь, река замедляет бег, извивается, рассыпается в мешанину стариц, отмелей

и поросших ольхой островов. Дорога залита половодьем, и идти приходится по целине, утопая в грязи. Но мы идем. Мы не можем остановиться. Или можем?

Меж голых еще деревьев сначала редко, а потом все чаще видны надгробия. Замшелые покосившиеся камни, такие же старые и почерневшие деревянные голбцы. За кладбищем не смотрят уже много лет, и природа стирает последнюю память о людях, которых уже не помнят и сами люди. Скоро от них не останется ни следа. Истинный конец пути наступает много позже, чем принято думать.

Мы доходим до уреза воды. Вернувшись в бывшую старицу, река опять размывает берег, отбирая у земли то, что той доверили люди. Кресты и кости сыплются в воду и уплывают вдаль вместе с другим весенним мусором.

— Смотри, лодка.

Около самой воды из грунта торчит гроб, вытесанный из цельного ствола. Он старый, как и все здесь, но на вид прочный, хоть и полон земли.

Анна улыбается:

— Мы сможем переправиться. Помогите.

Я снова достаю нож, и мы копаем землю вокруг и внутри домовины, выбрасывая кости в реку. Наконец, работа закончена, и мрачная лодка несет нас от протоки к протоке, мимо мелей и заболоченных островов к большой воде.

Река в половодье широка, но завеса дождя скрадывает пространство. Я гребу грязным надгробием,

берег все ближе, и все сильнее во мне чувство неправильности происходящего. Этого не должно быть. Все неверно. Все — с самого начала моего путешествия вслед за Анной. И самое страшное — ничего нельзя изменить. Как будто это моя судьба, которая ведет меня, дергает за ниточки, заставляет делать странные, страшные вещи. Зачем, ради чего? Неужели ради моей великой цели? Или ради цели этого ребенка? Или это не ребенок вовсе, но демон, злой дух, посланный мне в наказание?

Гроб входит в заросли прошлогоднего тростника как нож в масло и застревает в двух шагах от берега. Мы выходим на сушу. Здесь все то же самое, голые деревья стоят среди пожухлой травы, еле слышно шумит ветер, пахнет сырым перегноем, но что-то меняется, что-то не так, что-то невидимое, глубинное. Или это лишь кажется, потому что облака истончаются и солнце снова греет серую землю и нас вместе с ней.

Мы поднимаемся на склон.

— Посмотри.

Я оборачиваюсь. Анна смотрит назад, и там, на другом берегу, я вижу отряд всадников. Их много, человек пятнадцать, одетых в черное, и среди них — он. Мой бывший сюзерен, а теперь — мой главный враг. Кожаный плащ, борода, неизменное неуместное пенсне. Я инстинктивно вскидываю винтовку, и мне стоит огромных усилий не целиться в него. Иначе он ощутит мой взгляд, увидит нас, и тогда...

— Они чувствуют, что мы где-то рядом, — говорит Анна, — но река их задержит.
Надолго ли.

11

— Вон они! — Петерс показал на уже основательно подмерзшее озерко. Там, на другом берегу, среди серых стволов, почти неразличимые за бураном, снова перебежали из стороны в сторону блеклые тени. — На лед они не отважатся выйти, а значит, опять пойдут прямо здесь. Но сегодня, думаю, могут обойти и по гряде справа. Могут и обойдут, когда, наконец, поймут, что здесь мы стоим крепко. Поэтому, Юрис, Иварс, займите оборону у гряды.

Мы с Иварсом прошли по траншее, а потом еще саженой тридцать по замерзшему лесу, и оказались у кромки льда. Невысокая скальная гряда пересекала большое озерко, как дамба. Деревьев на ней почти не было, но немцы могли попытаться прорваться и здесь. С них станется.

— Дьявол!

— Что такое? — я подошел к Иварсу.

Окоп, предназначенный для нас, оказался не готов: жалкая канавка чуть выше колена.

— Дьявол!

У Иварса оказалась лопата, а мне пришлось долбить мерзлую каменистую землю штыком. Сумерки

сгущались, буран усиливался, холод тоже, и вскоре даже тяжелая работа уже перестала согревать.

Из леса слышались выстрелы.

— Атака, что ли?

— Копай!

Мы взялись за инструменты и с удвоенной силой принялись углублять свою траншею. Дальний берег совсем потонул в серой морозной мгле, мне все время чудилось там движение. К тому же к редким, но сочным выстрелам винтовок наших товарищей добавились торопливые трескучие хлопки немецкого оружия. Только бы успеть!

Поглядев в очередной раз на гряды и на серое пятно, некогда бывшее лесом на том берегу, я остановился. Из мглы к нам приближались тени. Медленно, пригибаясь, выползали они из бурана и осторожно ступали по заснеженным камням.

Мы свалились в траншею — она едва доходила до груди, но если встать на колени, то в самый раз — и прицелились.

Немцы шли медленно, но, казалось, ничто не могло бы остановить их.

— Ждем, — прошептал Иварс. — Пусть пройдут середину. Там и лед тоньше, не смогут уйти в сторону.

«Надеюсь, что так», — подумал я. Мороз, наш обычный союзник, играл тут против нас: чем толще лед, тем менее страшно немцу выходить на него. Если так пойдет и дальше, к утру они пойдут напрямик, и вся наша оборона разлетится как дым над водой.

А немцы между тем преодолели середину гряды. Я уже даже слышал скрежет их шарниров и гул пламени в топках.

— Пора, — сказал я.

— Пожалуй, — ответил Иварс. — Мои слева.

Мы выстрелили одновременно. Несколько немцев повалились. Задымило, запузырилось вытекающее горячее масло. Мы стреляли еще и еще, пока не опустели магазины, а немцы все шли и шли. Несколько десятков их теперь лежало на мерзлых камнях, а двое утонули, опрометчиво сбежав с гряды в надежде спастись от пули. Конечно, лед провалился под их тяжестью. Но все новые и новые горбатые фигуры выныривали из тумана, казалось, им нет конца. Они шли, перешагивая через обломки своих товарищей, чтобы самим стать обломками. Взрывались котлы, пар смешивался с пургой, горящий уголь с шипением гас в снегу.

Пожалуй, это был первый раз, когда я ощутил безысходность. К нам на подмогу пришел Альфредс, но и втроем мы были не в силах сдержать натиск. Куча разломанных немцев выросла и стала серьезной преградой для наших пуль. Они это поняли, заняв позицию за ней. Беспорядочные выстрелы в нашу сторону превратились в прицельные, и только буран теперь спасал нас. Мы вжались в обледенелую землю. Наше превосходство исчезало на глазах.

А потом пришли пулеметчики.

Мы заметили их слишком поздно, когда они уже крались по гряде.

— Берем первого! — это закричал Альфредс.

Мы выстрелили залпом, и еще, но бронелисты выдержали, пулеметчик только пошатнулся и выпустил облако пара, а затем начал стрелять. Мы успели выстрелить еще дважды, прежде чем Иварс пал, раздробленный разрывными пулями. Деревья и камни лопались вокруг нас, осколки летели дождем, и в какой-то момент я упустил нить реальности. Все стало чужим и ненастоящим, а звуки утихли. Я осознал, что могу не уйти отсюда, остаться здесь навсегда лежать таким же мертвым раскуроченным бревном, как Иварс. Страх не было, было понимание и даже принятие. Я посмотрел в небеса, но увидел лишь снежную муть, и щепки, и искры, и тьму. Вот и все.

— Уходим! — голос Альфредса глухой, как из-под земли, он схватил меня за рукав и потянул за собой. — Надо уходить! Они прорываются!

Реальность накатила на меня холодной волной. Мы дождались, когда очередь умолкнет на пару секунд, и рванулись в лес, прочь от берега, петляя среди истерзанных стволов, путаясь в ветвях и щепках. Пулемет позади снова заговорил, и он был не один. Я оглянулся и понял, что мы ушли вовремя: уже трое пулеметчиков двигались по гряде, а в озерко, ломая лед, погружался кто-то совсем невероятный, гигантский, окутанный клубами пара, изрыгающий пламя и рев.

Бабах!

Это озерко разом вскипело и лед взорвался по всей поверхности. Горячий дождь, смешанный с градом, пролился на измученный лес. Альфредса накрыло ледяной глыбой целиком, я не смог вытащить его. Но, честно говоря, я не пытался. Я убегал прочь, проклиная подлого врага и проливая слезы по павшим товарищам — в глубине души, разумеется, ведь снаружи мне нужно было сохранять хотя бы видимость рассудка.

Звуки боя стихали вдалеке, но и силы покидали меня, я бежал, не чувствуя конечностей, преодолевая боль и страх, пока от мира не остался лишь обжигающий холод, шуршание снега под ногами и темнота.

Обычно сон заканчивается на этом. Но сегодня он затянулся чуть дольше.

К рассвету я добежал к своим. Здесь уже был Арвидс, он сказал, что из нашего отряда больше нет никого, все мертвы. Но дело было сделано, враг застрял на болоте и тоже понес ощутимые потери, и это открыло дорогу для наступления легионов Императора. Нас с Арвидсом перебросили на восток восстановить силы в тылу.

Там-то нас и нашел Черный.

12

Я просыпаюсь от непонятных звуков — гортанных, глубоких, грубых, будто кто-то полощет горло гноем.

— Это наверху, — Анна уже поднимается на склон, а я все еще на дне глубокого оврага, заросшего черемухой и лохом. Я поднимаюсь, стряхивая с себя землю и сон.

— Пойдем.

А наверху, в нескольких саженьях от кромки оврага, кипит сражение, красные казаки против белых. Выстрелов не слышно, видимо, больше нет патронов, и в ход идут шашки, ножи, даже топоры, но до изящества и умения Энгин-бея в обращении с холодным оружием им, конечно, далеко. Они стоят в полный рост, медленно и неуклюже замахиваются и наносят удар за ударом, не блокируя. Они теряют руки, куски голов, кто-то даже и ноги, они падают и ползут по залитой кровью земле к врагу, хватают его снизу, пытаются повалить. И при этом беспрестанно кричат, но крик выходит хриплый, бурлящий: ведь почти первое, что делают казаки с новообращенными — лишают голоса.

Жалкое, отвратительное зрелище.

Мы наблюдаем за ними больше часа, их ряды редеют.

— Покончи с ними, — говорит Анна. — Сколько можно ждать.

Я выхожу из оврага.

— Только без шума, — слышится вслед.

Я прячу пистолет и поднимаю с земли шашку. Это хорошее, старое оружие, оно помнит с десятков войн и сотни жертв. Клинок вибрирует в руке, зовет в бой — и я иду. Я иду через гущу сражения, раздавая удары направо и налево, оставляя за собой широкую просеку. Никто из бойцов не обращает на меня внимания, так поглощены они ненавистью друг к другу.

Несколько минут — и последний боец с хрипом падает в грязь, расставшись с половиной головы. Кажется, он был красным. А может быть, белым. Для меня теперь нет никакой разницы. Они стоят друг друга, эти твари. Некогда бывшие людьми, но теперь растерявшие все человеческое, одержимые злом и ненавистью, зараженные извращенной волей своих хозяев. Ах, если бы все они сошлись в великой битве наподобие этой, и уничтожили бы друг друга, стерли с лица земли! Конечно, мир бы не вернулся на место, но, бесспорно, стал бы лучше.

— Идем, — Анна манит меня за собой через поле. Она ступает прямо по телам, и я не сразу понимаю, почему: так она остается в относительной чистоте. А я хлюпаю по кровавой жиже, и вскоре полы шинели покрываются мерзостью и пропитываются отвратительным запахом красно-бледных мертвецов, умерших дважды.

Поле на поверку оказывается гораздо больше. И оно сплошь покрыто телами.

— Сколько же их тут? — я недоумеваю.

— Много. Но не все.

— Не все, — киваю я, — но были бы все — я бы не справился.

— Отчего же?

Отчего?

Отчего я сомневаюсь в себе? Стрелки не сомневаются и не рассуждают, в этом наша сила. Но я сомневаюсь. Может быть, я больше не стрелок? Я вспоминаю прошлое, силюсь вспомнить себя — но воспоминание ускользает как угорь в ил, я не могу схватить его за хвост.

— Увы, я изменился.

— Не сожалей.

— Почему?

— Сожаление — это взгляд назад. Ты изменился, прими это и иди дальше. Не сожалей.

Я оступаю и чуть не падаю в вонючую слякоть.

— А ты не сожалеешь?

— О чем? Мне не о чем сожалеть.

— Совсем не о чем? А о том, что было раньше... до всего этого?

— До всего этого не было ничего.

Я не сразу отвечаю. Что ответить на такое?

— Спокойная жизнь? Твой дом? Твои родители, наконец?

— Не тебе говорить о родителях, целминыш.

Туше. Мои родители давно мертвы и сожжены, и я даже не знаю, где и когда.

Дальше мы идем молча.

13

Дороги нет, но серая трава широкой полосой втоптана в пыль сотнями ног казаков, и идти по ней почти удобно.

Я думаю о нас.

Как такое вообще может прийти в голову: сказать обо мне и Анне «мы». Мы слишком разные. По возрасту, по происхождению, по образу мысли и действий. У нас нет ничего общего, кроме этой дороги и движения на север. Я не знаю о ней ничего, хотя столько дней уже иду рядом. Порой она восхищает меня, а иногда пугает до самой сердцевины. Но что пугает еще больше — я больше не могу не думать о ней. Она заполняет сознание, как разлив нефти покрывает побережье клочок за клочком липкой черной пленкой. Мне уже начинает казаться, что она рядом со мной на протяжении всей жизни, что все мои воспоминания включают ее.

Может быть, это правда?

Мы подходим к станице, не скрываясь. В этих краях меньше проклятых и больше казаков, а они — слабый противник, даже когда их много. К тому же они редко нападают первыми.

— Надо забрать лошадей, если есть, — говорит Анна. — Мы слишком замедлились.

Лошади в станице есть, но есть и казаки. Некоторые, видимо, сохранившие проблески прежней памяти, пытаются работать на земле, мести дворы, но все это выходит безобразно и бессмысленно. Бывшая женщина месит граблями грязь в огороде. Старик рубит дрова тупым топором. Высокий тощий казак погоняет палкой давно издохших овец на высохшем лугу. Зрелище омерзительное до нереальности.

Но большинство не может и этого. Они стоят у забора, или сидят перед домами, или высовываются из разбитых окон, и злобно таращатся на нас пустыми помутневшими глазами.

— Идем. Лошади вон там.

Я иду за Анной, и вдруг начинаю осознавать, что живые лошади здесь — плохой знак. На них ездят проклятые, может быть, они и сами здесь. Тогда нам не поздоровится: проклятые умеют управлять казаками.

Две лошади привязаны под большим навесом, и я сразу понимаю, что прав, хотя никого и не видно вокруг.

— Скорее!

Анна бросается к животным, начинает их отвязывать. Черт, это ведь наверняка ловушка. Но разве я могу бросить ее? Я бегу к ней, и уже под навесом слышу сзади хриплый голос:

— Стоять!

Я поднимаю руки и медленно оборачиваюсь. Проклятый выходит из густой тени на другой стороне улицы, держа меня на прицеле. Если он выстрелит, казаки со всей станицы сбегутся сюда. Если я выстрелю, будет то же самое. Значит, будем сохранять тишину.

— Стрелок! — говорит проклятый. — Тебя здесь быть не должно. Вас всех распустили уже два года назад!

Два года?..

— Документы!

— Что?

— Документы, живо!

Я наклоняю голову, мол, во внутреннем кармане шинели.

— Доставай. Медленно доставай!

Я очень медленно опускаю руку, и в это время думаю, что же делать. Можно, конечно, перекатиться в сторону, прыгнуть вперед и добраться до него прежде, чем он выстрелит в меня, но тогда он может подстрелить Анну. Можно, наоборот, прыгнуть назад, схватить Анну и укрыться за лошадьми. Но и в этом случае выстрела не избежать.

Ничего не придумав, я вынимаю из кармана пропуск и бросаю на землю между нами.

— Стой спокойно!

Проклятый поднимает документ, читает его, бросает мне обратно и опускает винтовку.

— Забирай. И слушай меня, потому что я старший по званию. Сейчас иди в дом и жди приказа.

Я убираю пропуск и остаюсь стоять.

— Что я сказал? Иди в дом, стрелок!

Мысли мои мечутся. Я не могу оставить Анну, не могу допустить, чтобы эта тварь выстрелила, и подчиниться тоже не могу. Наконец, я иду, но не в дом, на который указал проклятый. Я иду прочь. И чем дальше иду, тем четче и быстрее становятся мои шаги.

— Куда?.. Стой!

Я чувствую прицел на спине. Что ж, пускай стреляет, он еще не знает, что это не поможет ему. Рука тянется к пистолету. Я почти ясно вижу, как сейчас будут развиваться события: проклятый выстрелит в спину, возможно, попадет, но это неважно. Я уйду вниз и влево, развернусь кувырком и убью его. А потом буду стоять и отстреливать казаков, которые придут на звук. Патронов не хватит на всех, значит, буду рубить. Столько, сколько будет нужно времени Анне, чтобы отвязать лошадей и уйти.

— Ну, хорошо, — слышу я сзади, и чувствую, что прицел ушел с моей спины. Что он задумал?..

— Гудгаль шу барра! — рычит проклятый. Я оборачиваюсь и слышу звук. Наверное, так мог бы трубить бешеный слон с насморком на весь хобот.

Из-за домов появляется чудовищный бык. Казак, что едет на нем верхом, кажется ребенком. Шкура быка и его саженные рога почему-то в пятнах синей краски. Несмотря на опасность, я наслаждаюсь красотой животного: его мышцы бугрятся, оно бьет ко-

пытком землю и поводит кудлатой головой, поднимая дыханием клубы пыли.

А затем снова мычит и бросается на меня.

Я уворачиваюсь, и гигантская туша пронесится мимо. Это слишком просто.

Наездник разворачивает животное и снова пускает его в атаку, а затем еще и еще. Я чувствую себя тореадором: песок под ногами, разъяренный бык напротив, зрители, жаждущие крови — казаки уже стягиваются к площади, услышав трубное мычание. Это плохо. Конечно, я могу уворачиваться от атак сколь угодно долго, но хватит ли терпения у проклятого? Думаю, что не хватит. И тогда надо будет действовать, а мерзкая толпа будет серьезной помехой.

— Эллаг нинг анна, — проклятый будто слышит мои мысли. Бык снова идет в атаку, но в этот раз один из казаков бросает в меня тыкву. Я уворачиваюсь от обоих, но рог проходит прямо перед моими глазами, я вижу на нем мелкие зазубрины и засохшие капли чужой крови.

Проклятый хохочет в тени, думая, скоро одолеет меня. Возможно, он прав.

Следующая атака, я концентрируюсь на быке, но тыкв теперь летит несколько и одна достигает цели. Я оступаюсь и в следующий же миг оказываюсь на рогах животного. Конечно, при таком их размахе ранить меня быку трудно, но удар так силен, что я перелетаю через площадь и проламываю головой стену сарая.

Внутри пыльно и пахнет старым куриным пометом, но в прерывистых лучах света, льющегося через щели между досок, я вижу шанс на спасение.

Тачанка!

Тачанка красных, с пентаграммой, криво намалеванной на борту засохшей кровью с налипшими волосами. В тачанке новенький пулемет и штабель ящиков с патронами.

Я выбираюсь из дыры в стене обратно на площадь, пока проклятый ничего не заподозрил.

Теперь дело за малым: вывести тачанку из сарая, отвязать и запрячь лошадь. И я уже знаю, как это сделать.

Я достаю шашку, и по толпе проносится гул.

Бык снова идет в атаку. Я жду, пока полетят тыквы, и бросаюсь навстречу животному, слыша удивленный возглас проклятого. В последний миг я уворачиваюсь, подпрыгиваю и рассекаю наездника надвое.

Почувяв свободу, бык встает на дыбы, сбрасывает с себя нижнюю половину казака, и грозно ревет. У него теперь есть только одна цель — я. Но чего у него нет, так это свободы воли, и в этом он похож на паровоз Императорской железной дороги. А значит, из опасного врага он превращается в обстоятельство, и я могу повернуть его в свою пользу.

Я дразню животное, распаляю его еще больше. Бык нападает на меня, но всякий раз я уворачиваюсь, на первый взгляд хаотично, а на деле — следуя плану, но и не забывая наблюдать за зрителями. Мерзкие

казаки смотрят как замороженные, и даже проклятый поглощен созерцанием нашей корриды. То, что надо.

Наконец, я добиваюсь желаемого: мы все сходимся на одной линии — сарай, бык, я и проклятый. Животное бьет копытом, оно тоже утомлено, и к тому же рассержено постоянными неудачами — и бросается в атаку. Я жду до последнего, но в этот раз не ухожу в сторону, а разворачиваюсь к проклятому лицом и бегу к нему. Даже сквозь густую тень я вижу недоумение на его лице, а затем удар швыряет меня вперед. У проклятого нет времени среагировать, я обхватываю его в полете и мы вместе падаем наземь. Я успеваю откатиться в сторону, и животное атакует проклятого. На этот раз быку удается достать тело заточенным концом рога и поднять его в воздух.

Я поднимаюсь на ноги и бегу к сараю. Казаки поглощены зрелищем расправы и не препятствуют мне.

Мой враг кричит и корчится от страха и боли, но рог лишь входит в него все глубже. Кровь заливает быку глаза, он мотает головой, отбрасывая умирающего в канаву. Гортанное бурление среди зрителей говорит мне, что я опять в опасности. Я слышу сзади приближающийся топот, и отскакиваю в толпу. Живой таран вламывается туда следом, раскидывая казаков. Они недовольны, это хорошо. Кто-то из них ударяет быка лопатой, вызывая на себя его гнев и давая мне еще несколько драгоценных секунд.

Я влетаю в дыру в стене сарая. Сбиваю засов с ворот. Выкатываю тачанку — благо она хорошо смазана — прямо под навес к лошадям.

Бык тем временем расправляется с окружившей его красной плесенью.

Анна вылезает из-под тюка соломы и забирается в тачанку. Я обрубая привязь у лошади покрупнее, запрягаю, запрыгиваю на козлы, и...

Бах!

Плечо обжигает, я чуть не падаю на землю.

Проклятый еще жив, он лежит на краю канавы и целится в меня снова. Теперь уж не до тишины. Я выхватываю пистолет и отправляю врага туда, где ему место. Казаки разом оборачиваются к нам. Но хуже того — поворачивается и разъяренное животное.

— Ходу! — кричит Анна.

Я нахлестываю лошадь, но тачанка едет слишком медленно — или это бык бежит слишком быстро?

— Стреляй! — кричу я. — Пулемет!

— Не могу, не умею!

Черт!

Дорога впереди вроде прямая. Я бросаю поводья и сажусь за пулемет.

Новая, еще не чувшая крови машина вздрагивает под моими руками и выпускает смертоносный поток металла. Добрая часть очереди уходит в молоко, затем я пристреливаюсь и кладу пули в цель. Я вижу, как они рикошетят от бычьего черепа и рогов. Весь загривок и плечи чудовища уже разможены, но оно

продолжает мчаться за нами, едва ли снизив скорость. Я стреляю, пока пулемет не замолкает: ствол перегревается, в коробке нет воды.

Я достаю пистолет.

Время опять замирает. Я прицеливаюсь быку точно в голову, и сталкиваюсь с ним взглядом. Сколько животной ненависти в этом взгляде. Какая она чистая, неиспорченная доводами разума или человеческими эмоциями. Как она прекрасна. Я запомню это чувство.

Я стреляю.

Бык спотыкается, пробегает по инерции еще несколько шагов, а затем падает на колени, переворачивается, поднимая тучу пыли, и больше не движется.

14

Пуля проклятого лежит у меня на ладони, кусок черного свинца и железа, исписанный заклинаниями. Теперь она безвредна, но она сделала свое дело.

Рана закреплена медной скобой и сок больше не течет, но я чувствую, как ущерб распространяется по телу. Хватит ли мне сил выдержать это? Раньше я бы не сомневался, но сейчас... Зло снова крепнет внутри, почуяв приближающуюся подмогу, шипит, шепчет, бормочет свои заговоры. Мир кажется тусклым, все звуки отдаляются, я растворяюсь в океане вкрадчивых голосов.

«Вот и вссссё».

— О чем ты думаешь, стрелок?

О чем? Как описать кратко весь мысленный хаос, который захлестывает меня?

«Зассснии».

Надо говорить, иначе беда.

— Я думаю о конце.

— О конце?

— Да, о конце пути. О том, что мы не знаем, когда и где он наступит. Будет ли он истинным. Тем, которого мы ждем и к которому стремимся. Все наши дела и поступки нужны лишь для того, чтобы приблизиться

к концу. И только те из них имеют значение, которые действительно приближают нас к нему. Но узнаем мы об этом только потом, когда обернемся, чтобы увидеть весь путь.

— Какого конца ты ждешь, стрелок?

«Останьссся здесссь».

— Кажется, ты это знаешь.

— Я хочу, чтобы ты сам сказал.

— Что ж, — я задумываюсь. — Я иду к... башне.

— К башне?

— К замку. Ко дворцу. Скорее даже к собору. Я вижу его во сне.

— И как ты идешь к нему, если это лишь сон?

— Это не сон. То есть не совсем сон. Я знаю — понимаешь? — почему-то знаю, что даже пусть это сон, но все, что там происходит, происходит по-настоящему. Не здесь, не в этом мире — в каком-то другом, неважно. Поэтому я должен идти. Когда я иду здесь, я иду там.

— И что будет, когда ты дойдешь?

— Я разрушу этот проклятый храм, пусть на это уйдут века. Уничтожу. Раскатаю по камню.

— Зачем?

— Этот храм... Он почему-то важен для моего врага. Значит, он должен быть уничтожен.

— Для Черного?

«Ты умрешшшь. Засссохнешшшь».

Я вздрагиваю.

— Да, для него. Я чувствую, что когда храм падет, Черный станет уязвим. Тогда я убью его и стрелки будут отмщены.

Анна думает.

— А если не сможешь? Не дойдешь? Умрешь раньше? Что тогда?

Я не знаю. И не хочу размышлять об этом. От одной этой мысли внутри все твердеет. Чертова девчонка нашла мою пятю и теперь будет жалить в нее. Видимо, вот он мой главный страх: умереть, не достигнув цели. Я не боюсь умирать, о нет. Я боюсь, что не полностью то, что предназначено мне... Кем?

— Остановимся вон там.

— Почему?

— Тебе это нужно.

Мы спускаемся с тачанки около небольшого кургана, заросшего вместо травы мхом и осклизлыми лишайниками, с древним дубом наверху. Дереву, наверное, полторы тысячи лет, оно уже вступило на путь умирания, хотя еще пара веков у него в запасе имеется. Косая расщелина в стволе зияет, как огромный рот, искаженный страданием.

— Заходи.

Внутри тесновато и сыро. У дальней стены лежит иссохшее тело, почти скелет, но шинель кажется знакомой: это стрелок, как и я.

— Кто это?

— Тот, кто нам нужен. Он спит.

— Я вижу.

— Я разбужу его.

Что? Разбужу?

Анна садится на корточки около тела и трясет его за плечо.

— Просыпайся, стрелок.

«Отступиссь».

Стрелок поворачивается на спину, выхватывает пистолет и прицеливается в Анну.

— Чего надо?

— Вставай! — Анна берет пистолет за ствол и отводит в сторону от себя.

— А ты кто вообще? — тут он видит меня. — А ты зачем здесь?

Он встает в полный рост, и я вижу его петлицы с тремя листьями.

— Лиелс Целмс, — я отдаю честь. — Мне нужен совет.

— Вольно! Казаки? — он указывает на мое плечо. — Чертовы казаки. Всегда бил их и буду бить, куда смогу. И ты должен бить. Они боятся нас, главное — натиск. Они вообще трусливые.

Я киваю.

— Ну, что за совет?

— Я... я потерял, Лиелс Целмс. Я иду к своей цели, но я боюсь не дойти. Боюсь, что погибну раньше.

Я вглядываюсь в лицо старика. Насколько он стар? Тысяча лет ему, или больше? Губы в глубоких трещинах, глаза, спрятанные под кустистыми бровями, посеревшее от снега и дождей лицо. Он выглядит гораздо

хуже, чем в нашу предыдущую встречу несколько лет назад. Но сколько именно?..

— Боишься? Хорошо, — Лиелс Целмс отряхивает пыль с шинели. — Это значит, ты еще мыслишь здраво. Я вот не боюсь. Что это значит? Не знаю.

Я молчу и жду.

— Бояться — это нормально, — продолжает он. — Но есть способ не бояться. Видишь ли, страх — это физиология. Значит, надо бить по физиологии. Так сказать, по корням.

Я продолжаю молчать.

— Есть способ. Чудодейственное средство. Цветок столь же прекрасный, как сон. Роза бессмертия, — Лиелс Целмс улыбается. — думаешь, почему она на эмблеме партии?

— Роза?

— Да. Нет, разумеется, это не роза. Это только символ и фигура речи. Мак.

— Что?

— Мак. Папавер сомниферум. Он дурманит, скажут они, а я отвечу: да. Мак ослабляет разум, но вместе с ним ослабляет и страх. Он не сделает тебя бессмертным, но даст ощутить себя таковым. А разве это не одно и то же? Разве реальность, данная нам в ощущениях, не есть единственная реальность? Но это иллюзия, скажут они, а я отвечу: но что тогда не иллюзия? Где ее грань? Отвечай, где?..

Я молчу, но не потому, что у меня нет ответа. Я боюсь прерывать монолог командира.

— Весь мир, вся вселенная это ничто, — продолжает он. — Если взглянуть на нее пристально, становится понятно, что она не может существовать как целое. Она распадается в пыль — в Канторову пыль, если угодно, — а все, что мы знаем о ней, все, что ощущаем — не более чем наши собственные идеи, конструкции нашего разума. Мы живем внутри себя, кому как тебе этого не знать. Поэтому мы и есть наша единственная реальность, и все, что изменяет нас, изменяет и мир. Поэтому мак действительно делает нас бессмертными.

— И где взять его?

— О, он здесь повсюду, — Лиелс Целмс машет рукой. — Скоро сам увидишь. У тебя все? Свободен.

— Спасибо, Лиелс Целмс, — я разворачиваюсь и выхожу, но в последний момент все-таки не выдерживаю.

— Лиелс Целмс, позвольте еще один вопрос.

— Что еще?

— Что мне делать? Я готов исполнять приказы.

— Увы, дальше сам, — Лиелс Целмс качает головой. — Видишь, во что мы превратились. А с кем мы служили! С кем я служил! Какие были глыбы!.. А сейчас — больше нет никого, все мертвы. Нет, мое время ушло. Загниваю потихоньку. Почек совсем почти не осталось. А ты иди, иди. Пока не поздно.

Я выхожу на свет и чувствую, как ноют мои почки. Это хорошо, значит, они еще там, внутри, в плотной темноте, ждут своего часа. И, может быть, дождутся.

15

Я молчу.

После встречи с Большим Пнем я больше не слышу голос зла, но чувства мои в разладе.

Жалкий обрубок, эхо прежней мощи и величия. Когда-то командовавший тысячей стрелков, теперь бессмысленно загнивает в дупле.

Что за время сейчас, что оно делает с нами?

Нет, это не время. Это Черный. Это он во всем виноват.

Ненависть вспыхивает внутри меня, как лесной пожар.

— Я расскажу, — вдруг говорит Анна.

— Что?

— Я расскажу, — повторяет она, — куда я иду и зачем. Тебе пора узнать.

— Почему сейчас?

— Сейчас ты готов.

— А раньше был не готов?

— Да. Ты не видел старого стрелка. Теперь видел.

Причем тут старик?

— Ну, видел, и что дальше?

— Теперь ты поймешь меня.

Я усаживаюсь поудобнее, и Анна говорит.

- Кто такой Черный колдун?
- Главный проклятый, — отвечаю я. — Правая рука Красного Властелина.
- Хорошо, — кивает она. — А Красный Властелин?
- Он — само зло.
- Как ты можешь такое говорить, ты же служил им?
- Раньше — да. Но теперь я знаю, кто они.
- Хорошо. А ты знаешь, что Красный Властелин мертв?
- Что?! Разумеется, не знаю... То есть знаю, что он жив. Как это мертв?
- Он убил и затем воскресил себя. Но это не жизнь. Ты видел его казаков? Проросших грибами, рассыпающихся на части, которые держатся вместе только силой проклятия? Это же он сделал и с собой.
- Но зачем?
- Чтобы стать неуязвимым. Теперь ему ничего не страшно в этом мире. Мертвее он уже не станет.
- В *этом* мире?
- Ты внимательный, — Анна улыбается. — Они с Черным пришли из холодных пустынь, так знакомых тебе. Там их жилище. И там средоточие их силы. И оно тебе тоже знакомо.
- И его надо разрушить?
- Да. И нет. Они не дадут тебе этого сделать. Видишь ли, сейчас они — пока — не знают о тебе всего. Ты просто досадное недоразумение. Но если они почувствуют прямую угрозу, то реакция будет в тысячи,

в миллионы раз сильнее. Да все стрелки мира не выстоят против них, и не выстояли бы, даже когда вас было много.

— Тогда как это сделать?

— Сначала тебе придется помочь мне.

— Помочь? В чем?

— Я говорила, что иду на север. Я иду в крепость Красного Властелина.

— Но что ты будешь там делать? То есть что ты сможешь сделать?

— О, я могу многое, но многого и не нужно. Надо просто подождать. Его мертвое тело поражено грибами. Скоро оно разложится настолько, что контроль над ним будет отнимать львиную долю его внимания и усилий. И тогда...

— Ты убьешь его?

— Если бы все было так просто, — Анна качает головой. — Нет, боюсь, это невозможно. Но я смогу изолировать его.

— Изолировать?

— Да. Видишь ли, он существует вне этого мира. Но тело — оно здесь, оно часть нашей реальности. Красный Властелин овладел этим телом много лет назад, и через него творит свои мерзости здесь. Но сейчас хватка ослабла, тело разлагается и выходит из-под контроля. Если оно разрушится совсем, он просто похитит новое. Поэтому нужно сделать всего две вещи: сохранить тело с наименьшим ущербом и не дать

Властелину покинуть его. Запереть его в этом теле навсегда.

— Но как?

— Что именно?

— Как сделать и то и другое. Как сохранить его тело?

— Это нетрудно. Я знаю мастеров, которые умеют сохранять тела. Слышал про фараонов Египта?

Я что-то помню, хотя и очень смутно. Но все равно киваю. Анна кивает в ответ.

— Это очень хорошие мастера.

— Хорошо, а как запереть его?

— Поместить тело в... ну, назовем это гробницей.

— Тоже как в Египте?

— Почти, — Анна улыбается. — Я построю гробницу-храм. Тело будет лежать там непохороненным, и Властелин застрянет между мирами. Он не сможет больше действовать здесь, но не сможет и полностью вернуться к себе.

— А что помешает ему отделиться от тела до того, как оно попадет в эту... гробницу?

— Связь. Связь между Властелином и этим телом достаточно сильна. Это не ниточки марионетки, которые можно просто разрезать и выбросить куклу прочь. Он весь погружен в это тело, пророс туда своей гробницей, и только утратив эту часть себя, он сможет разорвать связь. А на такой ущерб Властелин никогда не пойдет, он слишком ценит себя.

Я молчу, мне надо обдумать все услышанное.

— И как я могу тебе помочь?

— Помоги мне добраться до Красной Крепости.
Как можно скорее.

— И все?

— А на большее ты не способен.

Слова застревают у меня в горле. Да как она смеет такое говорить мне?

— Извини, это прозвучало грубо. Я хотела сказать, что ты не сможешь помочь мне справиться с Властелином, он слишком силен для любого стрелка. Даже для Величайших. Но с его миньонами ты справляешься отлично. И с белой нечистью тоже. Ты хороший защитник. Такой, какой мне нужен.

16

К ночи ветер усиливается, наливается влагой, гонит облака — но они лишь намекают на дождь, пронося свою тяжесть мимо нас дальше вглубь материка. В степи шумят травы, ночные птицы тревожно кричат, невидимые в темных небесах.

Мы надежно укрыты от чужих глаз в сырой балке. Лошадь спит, понуриив голову. Анна прячется в тенях. Я сижу под кустом боярышника чуть в стороне, вглядываясь в ночь. Я не сплю, но в шуме ветвей мне чуждаются голоса.

Нет, это не те голоса, что зовут остановиться и умереть. Это голоса воспоминаний. Звуки давно потерянных друзей. А затем я вижу...

— ...Все погибли или в плену, — при этих словах Арвидс качает головой в расстройстве. — Десять тысяч стрелков в плену у немцев! Десять тысяч!

Все ошарашенно молчат.

— Говорят, Красный Властелин приглашает стрелков на службу. Говорят, он обещает разбить немцев и вернуть наших товарищей из плена.

— Красный Властелин? — что-то внутри меня протестует, когда я произношу это имя. — Но разве не он сверг императора?

— Император ушел сам, — отвечает Арвидс. — Так говорят. Но даже если и сверг, что с того? Теперь он правит этой частью мира, для нас не изменилось ничего. А вот наши товарищи мертвы. Или того хуже. А мы живы и торчим здесь! Хотя могли бы помочь им.

«Как помочь?» — собираюсь спросить я, но молчу.

— Служба у Красного Властелина это тоже служба, — говорит Валдис. — Все без дела не сидеть. А если он и правда победит немцев?..

Изображение смазывается, и я переносусь на пару месяцев вперед.

— Стрелки! — говорит Черный, воздевая руку. — Император низвергся. Старому миру конец. Мы строим новый мир на его обломках. Великий Владыка ведет нас за собой, его всевидящий взгляд пронзает тьму веков и смотрит в будущее. И оно великолепно. Но кое-кто не хочет принять этого, принять перемены, принять неизбежное. Кое-кто поднимает оружие против нас. Это не навредит нам, о нет, но лишь только замедлит наши дела. Наш путь к свету. Поэтому нам нужна новая армия, которая защитит наши достижения от преступных посягательств. И вы станете ядром этой новой армии. Железным кулаком, который нанесет смертельный удар по бледной плесени.

Снова размытие, и вот я уже бегу по грязи с винтовкой наперевес, а навстречу мчатся серебряные пули бледных бойцов.

С большими потерями мы входим в город. Неприятель понимает, что конец близок, и бьется с удвоенной силой, с ожесточением того, кому нечего терять.

Зачистка длится сутки. Наконец, выстрелы стихают вдали: линия фронта сдвигается к югу. Мы стаскиваем тела убитых в две кучи — наши и враги. Они огромны и примерно равны, и хоть у нас есть выжившие, а у врагов нет, победой это не кажется.

— Мы позаботимся о телах, — говорит Черный. Откуда он здесь? А с ним еще и отряд проклятых. — Вам незачем тратить свое время на это.

— Это наши товарищи, — возражает Марис. — кем мы будем, если не окажем им последние почести?

— Воинами? — говорит колдун. — Вы воины, а не могильщики. Лучшей почестью для них от вас будет добить бледную гадину. Выкорчевать эту поганую грибницу раз и навсегда.

Мы уходим перед закатом. Я замыкаю строй и, обернувшись, вижу, как проклятые суетливо вытаскивают из кучи бледных мертвецов одного, видимо, главного, отрывают у него шляпку и кладут его на землю. Колдун наклоняется, прикасается к телу, и что-то начинает происходить там, но мне больше ничего не видно за изгибом дороги.

Опять все смазывается.

Мы стоим на перроне, ожидая прибытия бронепоезда. Вот, наконец, он показывается вдалеке, медленно подползает, выпуская едкий дым и пар. Я вижу цепи с огромными шипами, которыми он обмотан, вижу

наездника-проклятого, сидящего верхом и отвешивающего поезду удары булавой. Пленное немецкое чудище вздыхает и замирает у платформы. Бронелист вагона откидывается и мы видим Черного, а с ним — самого Красного Властелина! Он невелик ростом, его красная шляпка раскачивается в такт словам. А слова его пусты настолько, что не остаются в памяти, но проходят навывлет, обжигают изнутри, заражают злом. Моя память выдает лишь обрывки речи:

— ...Перед лицом... нечеловеческое мужество... архиважную помощь... испытания позади... товарищи... остановиться... повержен... домой...

Если бы я был человеком, я бы поддался гипнозу, впустил бы красную грибницу в свое сознание. Но я ощущаю лишь растущую внутри ненависть. Эти твари использовали нас, привели нас на порог уничтожения, а сейчас, когда мы больше не нужны им, они бросают нас, нарушая все свои обещания.

Вагон закрывается. Наездник пришпоривает поезд, тот нехотя, с недовольным ворчанием трогается, оставляя за собой клубы ядовитого дыма, и скрывается вдаль.

— Вот и все, конец пути, — говорит Арвидс.

— Нет, это только начало, — я мрачен, но внутри меня клокочет ненависть. Они заплатят.

— Как угодно. А мне нужно отдохнуть, — отвечает он. — Встретимся когда-нибудь.

Мир плывет перед глазами, сливается в мутную жижу, из которой на мгновение выныривают раз-

розненные картины воспоминаний: вот перестрелка с красными и очередное ранение; вот трюм баржи заполняется грязной водой и люди вокруг меня начинают тонуть; вот я иду в никуда по пыльной степной дороге, обожженной солнцем; вот я засыпаю в овраге под шелест дождя, надеясь не проснуться.

— Просыпайся, стрелок.

Услышав обращение, я разлепляю веки и тут же за-
жмуриваюсь снова, спасая глаза от плещущего холод-
ным огнем апрельского солнца.

Анна стоит рядом.

— Нам пора.

Утром степь накрывается алым полотном. Жар солнца и нехороший аромат бесчисленных цветов разливаются по всей земле от края до края, наполняют ее и топят нас в своем безумии. Редкие кусты волчьей ягоды едва выступают над морем крови.

— Роза бессмертия, — говорит Анна. — Старый Пень говорил об этом. Помнишь?

— Но сколько же их здесь, разве цветов бессмертия может быть много?

— Может, и нет. Но вот они перед нами. Бери любой.

Я спускаюсь с тачанки и ступаю на целину. Маки бьют по коленям крупными коробочками, колышутся на ветру, посыпают пеплом пыльцы, окутывают одурманивающими облаками. Маки, маки, маки.

«Осстановиссь».

Я останавливаюсь. Не потому, что подчиняюсь, нет. Я сам хочу остановиться. Остаться здесь «навсегда» среди алого великолепия, укорениться, выпустить побеги — благо, почки еще целы. Чтобы не стать такой гнилью, как Большой Пень. «Здессь твое мессто», я чувствую это. Или мне только кажется, что чувствую?

Незрелая коробочка приятно хрустит во рту, расплескивая терпкий сок, и язык слегка немеет.

— Ничего.

Я расссстроен. Слова старого пня — обман, нет никакого цветка жизни, а значит — все тщетно. Я никогда не достигну цели. Это значит, что Черный в конце концов победит. Зло взвивается внутри меня мутным вихрем, захватывает меня, кружит, солнце выписывает немыслимые петли, ударяя в землю, как в гонг, а голоса, что кричат в голове, сливаются в сплошной шум, в котором различимо одно лишь слово: «Конец».

А потом приходит бессмертие.

Мир расширяется и становится ясным, а время замедляется. Я люблю все, что вижу: алую степь, белое солнце, разбитую дорогу, лошадь, Анну. Пулемет. Себя. Я вижу все, что происходит вокруг, мое восприятие становится целостным, я вижу даже с закрытыми глазами. Ни одна мельчайшая деталь не ускользает от меня: блики на капельках пота лошади, потоки пыльцы над цветами, муравьи на дороге, всадники далеко позади. Много всадников. Они приближаются.

— Нас преследуют.

Анна вглядывается в горизонт.

— Это проклятые, — она берется за вожжи и подхлестывает лошадь. — Надо спешить. Но мы успеем.

— Что успеем?

— Перейти брод. Это задержит их. Опять.

Сквозь любовь прорывается тревога. Мир пульсирует и меняет яркость. Солнце мечется в пустом небе.

Всадники уже на расстоянии выстрела. Я наблюдаю, как они надвигаются на нас широким строем, как пыль и ошметки цветов летят из-под копыт.

— Стреляй! — кричит Анна. — Нам просто надо немного времени. Задержи их!

Я берусь за винтовку.

Бах! Бах!

Я вижу, как мои пули сбивают наездников с седел, опрокидывают лошадей, разрывают тела. Строй нарушается, но ненадолго, место павших тут же занимают новые всадники, и черная лавина все приближается. Мои выстрелы не наносят ей видимого ущерба, а патронов так мало.

Тогда я сажусь за пулемет.

Любви больше нет, а тревога превращается в страх — жгучий, опустошающий. Мысли останавливаются, и время опять замедляется. Я кладу очереди веером, руки мои прикипают к рукояткам, зубы сжаты до треска, лицо, закопченное пороховым дымом, напряжено так, что вот-вот порвется. Лошади и всадники падают и падают, увлекая за собой соседей, но черная лавина не становится меньше. Напротив, она близится, растет вширь и начинает охватывать нас в кольцо.

Лента за лентой улетают пули, враги умирают сотнями, но вот пулемет замолкает, а рука моя нащупывает в ящике лишь пустоту — нет больше патронов. Я выбрасываю ящики, сталкиваю с тачанки ненужный теперь пулемет, чтобы хоть немного помочь на-

шей лошади, которая тотчас ускоряется, чувствуя облегчение.

— Еще немного! — кричит из-за спины Анна.

Я ненадолго оборачиваюсь и вижу впереди между холмами синюю ленту реки. Еще минута, может быть, две.

Остались лишь пистолеты. Последние патроны нужно беречь. Я выбираю цели, чтобы как можно сильнее задержать наших преследователей. А они ускоряются, тоже увидев реку впереди. Наконец, я опускаю пистолеты — по одному последнему патрону в каждом — больше я не могу ничего сделать. Я стою в полный рост и смотрю на приближающийся вал, который, кажется, еще немного и захлестнет нас — но вдруг враги замедляются, а ряды их смешиваются. Мы успели.

На полном ходу тачанка влетает в реку, поднимая облака брызг, заливая глаза. Сквозь пелену воды я вижу, как расстояние до врагов начинает увеличиваться. Они не могут ехать дальше и встают вдоль берега. Наша лошадь из последних сил выбирается из реки и падает замертво, тачанка кренился и мы летим на землю.

Тишина.

Первым возвращается слух, и сырая пустота наполняется шелестом тростника, свистом ветра в сухих ветках, плеском воды, криками птиц невдалеке.

Я приподнимаюсь на локтях и вижу врагов на другом берегу — плотный строй, насколько хватает глаз

в обе стороны. Они стоят неподвижно, лишь лошади иногда топчутся и всхрапывают.

— Теперь они знают тебя, — говорит Анна. — Знают, что ты угроза. Пойдем скорее.

Мы встаем и шагаем прочь.

— Сsstrелок, оссстановисссь!

Я замираю и оборачиваюсь.

Враги расступаются, образуя проход, и по нему к кромке воды подходит Черный.

— Я предупреждал тебя, стрелок. Больше не буду.

Мы выхватываем пистолеты и стреляем одновременно. Я опять вижу все: пыль на лице колдуна, расколотые стекла пенсне, вязь на стволе его оружия, засохшая кровь вокруг ногтей. Вижу, как черная заговоренная пуля проходит сквозь воздух, разгоняется, гонимая порохowymi газами, спешит отнять мою жизнь. Как навстречу ей несется моя пуля из рыжей меди.

Они сталкиваются над рекой и падают в воду, став единым целым.

— А я предупреждал, не надо недооценивать стрелков, — я медленно отступаю к лесу.

— Впечатляет, — Черный качает головой. — Признаюсь, ты прав, я тебя недооценивал. Что ж, тем приятнее будет убить тебя.

Он снова стреляет, я стреляю в ответ. Еще две пули, дымясь, сливаются в раскаленный ком и тонут в мутной воде. Мои пистолеты пусты, но я стараюсь не думать об этом, чтобы не узнал Черный.

— Тебе не скрыться, стрелок.

Два шага остается до опушки. Анна, должно быть, уже в лесу, но я на всякий случай кричу через плечо:

— Ходу!

А затем сам прыгаю назад, разворачиваюсь кувырком и бегу.

Хрясь! Происходит событие почти невозможное, невероятное: на ровном месте моя нога переламывается в бедре. Боль прищипливает меня к земле, как энтомолог жука, я борюсь с ней, но она сильнее. Мне удастся лишь повернуть голову к реке, чтобы через алую вуаль увидеть колдуна.

— Ну все, — говорит тот и стреляет.

«Всссе».

Брызнули щепки и все исчезло.

Часть II

Пуля в голове

1

Все начинается, когда мне стреляют в голову.

Впрочем, давайте пойдём по порядку.

Я просыпаюсь в прекрасном настроении. Солнце брезжит в щель между занавесками, высвечивая пылинки. Из окна слышен утренний шум города.

Я сажусь. Ноги проскальзывают в тапки как по маслу, удача, можно вставать. Четыре шага до двери, еще пять по коридору — и вот я на кухне.

В чайнике есть вода, снова удача. Кружка, кофе, сахар, кипяток, размешать, поставить на стол ровно там, где обычно — на скатерти есть специальный круг, чтобы не ошибиться. Ошибаться нельзя, иначе придется все начинать заново.

К счастью, я не ошибаюсь. Сегодня и вправду хороший день. Лишь бы не сглазить.

Я одеваюсь, завязываю шнурки — правильно с первого раза, а это не так-то просто, как можно подумать. На левой ноге узел должен завязываться левый, а на правой, разумеется, правый. Иначе все будет испорчено. Но и тут мне все удается как надо. Я надеваю кепку и выхожу, захлопнув дверь.

Уже спускаясь, я вспоминаю про таблетку. Но это не страшно, таблеткой больше, таблеткой меньше.

Вообще не очень понимаю, зачем мне их принимать. Да я и не принимаю уже сколько — два дня? Три? Неделю? Не помню. Главное, что ничего не меняется от этого. Наверное, я уже почти здоров.

Улица обнимает меня солнечной свежестью раннего утра. Листва на деревьях кое-где уже желтеет, но тут важно не засмотреться на эту красоту и не наступить на опавший лист. Тогда пиши пропало, придется возвращаться. Я шагаю по знакомым плиткам тротуара, и ноги будто сами несут меня.

Куда я иду, спросите вы. Я иду на работу. Да, я работаю, я занятый человек. Я работаю в магазине игрушек рекламщиком. С десяти до двух и с четырех до восьми я гуляю около магазина в костюме какой-нибудь игрушки. К сожалению, костюм меняют довольно часто. В этом месяце — мистер Гриб, а в прошлом — капитан Флинт. Еще более давнишние костюмы я уже не помню.

Я прихожу на работу вовремя, а все потому, что ни разу не ошибаюсь по дороге: не наступаю мимо плитки, не трогаю ничего лишнего, не сбиваюсь со счета. Ровно две тысячи триста восемнадцать шагов, как и должно быть.

И вот я, одетый мистером Грибом — толстый белый костюм, красная шляпка в горошек — хожу туда-сюда вдоль фасада магазина. Тридцать семь шагов, разворот, тридцать семь шагов обратно, разворот. Полторы минуты. Я люблю свою работу и выполняю ее хорошо. Если мне никто не мешает, разумеется.

Очень часто приходят люди, что-то говорят, а иногда даже трогают меня, фотографируются. Такое бывает каждый день, а по выходным особенно. А сегодня как раз выходной.

— Доброе утро!

Я тут же сбиваюсь со счета, меня охватывает паника.

Эта женщина стоит передо мной и смотрит мне прямо в глаза. Это неправильно, нельзя смотреть на людей так пристально. Я отвожу взгляд и отступаю на шаг.

— Пойдем скорее, — она нервничает и торопится.

Я отхожу еще на шаг. Это ошибка: я наступаю на засохший лист. Он хрустит под ногой с оглушающим грохотом. Ух, какой крик тут начинается!

— Ты бестолковый! Зачем ты шумишь? Сломал лист, раскрошил. Что ты за человек! Мы бросим тебя. Ты разрушишься!

— Идем, не оборачивайся! — женщина уже кричит и протягивает мне руку.

Легко сказать, «не оборачивайся». Теперь я просто обязан это сделать.

— Обернись, посмотри, что там.

Я медленно поворачиваюсь, сердце колотится безумно, я прокручиваю в голове тысячи вариантов того, что творится позади меня. А обернувшись, обнаруживаю нечто совсем другое, неожиданное: дуло оружия, направленное прямо мне в лицо. Так близко, что я вижу царапины на нем, вижу нарезы в канале

ствола, вижу вспышку пороха в глубине, вижу пулю, выходящую на свободу.

Я вижу, как пуля медленно продавливается через ствол, закручивается, летит, рассыпая пылинки перегоревшего пороха, касается моего лба, и дальше — уже не вижу, а чувствую — боль разрываемой кожи, тошнотворный треск ломаемой кости, жар раскаленного металла.

Но конец не наступает.

— Я же просила, — слышу я позади.

— Что это такое?

— Ты пока жив, вот что, — отвечает она резко. — Пойдем.

— Куда?

— Подальше отсюда. Пока я все держу.

Я смотрю на человека, выпустившего пулю. Он стоит неподвижно и в вытянутой руке сжимает старинный черный пистолет, покрытый тревожным узором. Я озираюсь: все люди не шелохнутся, замерев словно посреди движений. Даже голуби висят в воздухе.

Женщина хватает меня за руку и мы бежим прочь. Паника становится слишком сильной, и я плохо понимаю, где мы и куда движемся, весь мир сливается в сплошное живое полотно, заполненное дышащими пятнами.

Когда я успокаиваюсь, мы находимся в большом светлом помещении. Тут есть стол и диваны, большое окно в пол открывает прекрасный вид на городские крыши.

— Ага, — говорит женщина, — очнулся, — она отстраняется.

Я хочу ответить, но вдруг чувствую боль в голове. Трогаю лоб и обомлеваю: оттуда торчит что-то металлическое.

— Это пуля, — говорит женщина. — Еще немного и тебе конец. Был бы, если бы не я.

— Почему?

— Да потому что я ее остановила. Остановила и держу.

— Зачем?

— Чтобы ты выжил.

— Но зачем это вам?

— У меня на тебя планы.

— Я понял, — говорю, — вы новый врач. А где Эрих Моисеевич?

— Умер, — отвечает она и улыбается. — Послушай меня...

— Нет, вы все врете, — говорю, — ничего он не умер.

— А ты проницательный. Конечно, он не умер, а я не врач. Просто я давно за тобой слежу и теперь поняла, что ты-то мне и нужен.

— А кто вы, если не врач?

— Зови меня Инна.

— А зачем вы за мной следите?

— Я за всеми слежу.

— А...

— Вопросы потом, — она выставляет ладонь вперед. — Послушай, что я скажу. Теперь ты мне обязан

жизнью, поэтому будет очень правильно, если ты окажешь мне пару услуг. Довольно простых.

— А если не окажу?

— Тогда ты умрешь.

— Как это, вы меня убьете?

— Нет, — Инна усмехается. — Тебя уже убила эта пуля. Я просто отпущу ее и она закончит свое дело.

— Что-то мне кажется, вы опять врете.

— Ну, смотри.

Я чувствую дрожь во лбу, как будто пуля набирает силу и готова лететь дальше, обломки костей мерзко скрипят, а голову опоясывает боль. Черт, она говорит правду, эта женщина, Инна, она имеет власть надо мной! Теперь я вынужден подчиниться ей.

— Нет! — я вскрикиваю фальцетом, и ощущения тут же пропадают, а Инна улыбается.

— Правильное решение.

— И чего вы хотите от меня?

— Помощи в одном деле. Знаешь, кто выстрелил в тебя?

Конечно, я не могу этого знать.

— Мои конкуренты. Их целью была я, ты им не нужен. Случайная жертва, — Инна хмурится и смотрит мне в глаза. — Хотя...

— Конкуренты?

— Я занимаюсь строительством. Моя фирма — одна из крупнейших в городе. Мы очень быстро выросли, и не всем это по душе. Ты же знаешь, что такое строительный рынок... Хотя откуда. Ну так вот, мой

главный конкурент — «Аусеклис Девелопмент». Воплощенное зло, хе-хе. Они не просто хотят выдавить меня с рынка, они хотят разрушить все, что я делаю, уничтожить меня.

— Убить вас?

— Нет, конечно. Сейчас не те времена, да и они сами тоже не те. Вывести из игры, скажем так.

— А я?

— А ты... Сначала ты поможешь мне собрать кое-какие сведения.

— Но почему я?

— Ну, смотри. Во-первых, ты аккуратный и сделаешь все так, как надо. Во-вторых, ты не вызовешь никаких подозрений. Ну и в-третьих, ты не можешь отказать.

Я молчу, но обдумать услышанное не могу, мешают посторонние мысли.

— В общем, приступишь завтра. Я свяжусь с тобой и скажу, что именно делать.

— Как свяжетесь?

— До свидания, — Инна улыбается. — Выход там.

Я возвращаюсь домой затемно и сразу иду к зеркалу. А в нем — очередной сюрприз: мой лоб чист и ровен, никакой пули там нет.

Откуда же это давящее чувство, откуда хруст костей временами, откуда боль из-за трещин?

Может, этого ничего нет? Может, это галлюцинация? Может, это Инна хочет свести меня с ума? Или даже она сама — иллюзия?

Усталость одолевает меня, я падаю на кровать прямо в одежде и проваливаюсь в сон, даже не долетев до подушки.

2

— Привет, как спал? — спрашивает Инна. — Встаешь?

— Что?

Я разлепляю глаза, но в комнате никого нет. Наверное, я еще сплю.

— Ты не спишь.

— Что?!

Я сажусь на кровати. Может быть, она в коридоре?

— Я у себя. Я же говорила, что свяжусь с тобой. Вот, связываюсь.

Я понимаю, что это началось опять. Наверное, все же следовало принимать таблетки. Когда я их принимал, голосов почти не было.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я на всякий случай.

— У тебя в ухе есть крошечный наушник. Я вставила его, когда ты был не в себе. Помнишь?

— Нет.

— Ну так что же. А он есть. Иначе как ты это объяснишь?

Я не знаю. Версия с наушником звучит разумно.

— Очень хорошо. Значит, слушай. Тебе нужно проникнуть в офис «Аусеклис Девелопмент». В кабинет директора. Сможешь?

— Э-э... Нет.

— Не расстраивай меня. Зачем ты это говоришь? Конечно, сможешь.

— Как?

— Я тебе помогу. Сейчас вставай и выходи.

Я послушно поднимаюсь и выхожу на улицу.

Мир вокруг выглядит другим. Как будто все люди и предметы вокруг теперь знают, что Инна управляет мной, и порицают меня за это, но не подают виду. Я чувствую взгляды украдкой, вижу неодобрение на лицах. Меня это расстраивает, но, к счастью, Инна говорит о деле, и я немного отвлекаюсь.

— Сегодня у Дрекаваца приемный день. Запишись к нему на прием, пройди в кабинет, посмотри, как добраться до него, где там что, как что устроено. А ночью, когда все разойдутся, ты вернешься.

И вот я стою перед шикарным офисным зданием. Восьмиконечная звезда на фасаде угрожает мне своими острыми лучами.

— Заходи.

Холл, отделанный черным полированным мрамором, пуст и гулок.

— Мне к директору.

— По какому вопросу? — секретарь глядит на меня с нескрываемым отвращением, а охранник, сидящий неподалеку — с подозрением.

— Скажи, от «Сервисинвестнедвижимость», — подсказывает Инна.

— Я из «Серверинвентнедвижимость».

Секретарь вскидывает брови и куда-то звонит.

— Пойдемте.

Мы идем по прохладным темным коридорам, подвигаемся по скользкой лестнице и оказываемся перед массивной дверью.

— Лев Соломонович готов вас принять, — секретарь с усилием приоткрывает тяжелую створку, приглашая внутрь.

Я робею и вхожу.

Страшный Лев Соломонович Дрекавац стоит лицом к окну, сложив за спиной руки с длинными, слегка изогнутыми ногтями, похожими на когти.

— С чем пожаловал? — он оборачивается и вдруг хрюкает от смеха, увидев меня. — Да она там совсем уже тронулась, прислала какого-то клоуна. Ты точно от нее, мистер Гриб?

— Эммм... да, — я вспоминаю, что так и не переоделся со вчерашнего дня.

— Ну, так что там у тебя? Корзинка с поганками? — Дрекавац хихикает и трясет бородкой. — Она вздумала меня отравить?

Я молчу, не зная что ответить, и Инна как назло молчит.

— Хм, — Дрекавац поправляет пенсне, когда пауза слишком затягивается. — Как там ваша затея с башней? — он опять ехидно улыбается.

— Скажи, все в порядке, — говорит Инна.

— Все в порядке.

— Да неужели?

Инна молчит, поэтому я просто повторяю:

— Все в порядке.

— Хм. Я слышал, вам так и не дали разрешение на строительство? Полагаю, и не дадут.

Я молчу.

— Вы плохой собеседник, вам говорили об этом?

— Да.

— Ладно, — директор встает с кресла. — А я вот вчера только подписал тендер. Реновации, как говорится, быть! — он лихо взмахивает кулаком. — А вашей башни нет как нет. Так что скоро все изменится. Весь, так сказать, ландшафт, — он снова хихикает.

— Скажи, башня тоже будет. И еще скажи, Кукушкин парк наш, — говорит Инна.

— Башня тоже будет. И еще Кукушкин парк наш.

— Вот как?.. — хозяин кабинета утыкается в телефон и что-то ищет. Ухмылка исчезает с его лица.

— Что ж, поздравляю, — говорит он сухо и смотрит прямо на меня. Его глаза за стеклами старомодного пенсне обжигают ненавистью. — Что-нибудь еще?

Я жду, что скажет Инна, но она молчит.

— Думаю, нет, больше ничего.

— Сгинь тогда отсюда. Лиля, проводите... этого, — он нажимает кнопку на столе, а затем отворачивается обратно к окну. Секретарь появляется и жестом приглашает меня выйти.

— Теперь следи очень внимательно, — говорит Инна. — Запоминай повороты, ступени, двери, все. Второго шанса не будет.

Я слежу и пытаюсь запоминать, но на мою память особой надежды нет. Она нехороша, память. Я многое забываю. Почти все. Выйдя на улицу, я понимаю, что снова найти дорогу будет непросто.

— Ты заблудишься. Потеряешься. Мы не будем тебя спасать.

— Хорошо, — Инна кажется довольной. — Теперь смотри. В двух кварталах отсюда, вверх по этой улице, есть сквер. В нем находится спуск в теплотрассу. Она проходит прямо под зданием, и из нее можно попасть в подвал. Смекаешь?

— Что?

— Ты бестолковый! Спускайся в теплотрассу и иди в подвал здания. Когда наступит ночь, поднимайся в кабинет Дрекаваца. Там и услышимся.

Сквер маленький, неухоженный и похожий на помойку. Я продираюсь через кусты и действительно: между деревьев на замусоренном газоне открытый люк, оттуда идет запах ржавчины и гнили. Как же не хочется идти туда, но разве у меня есть выбор? Я преодолеваю отвращение и спускаюсь. Сердце колотится бешено, ладони потеют, и я, разумеется, срываюсь с лестницы в темноту.

3

Первые ощущения — это тусклая лампочка, висящая на измятом проводе, удушливый воздух, жар от плохо заизолированных труб, какая-то возня и пыхтение сзади.

Я оборачиваюсь. Прямо рядом со мной красуется чумазое испитое лицо, а обладатель этого лица стягивает с меня штаны и щупает меня за ягодицы, притираясь поудобнее. Он совершенно гол, тощ и грязен. Он видит, что я очнулся, и отстраняется в испуге.

— Получай, — я отвешиваю ему смачную оплеуху и поднимаюсь. Штаны спадают, я подхватываю их в последний момент.

— Ай, не бей меня, — он отползает к куче тряпья, прикрывая голову руками. — Не бей, я не трогаю тебя больше.

— Ты кто?

— Я Эдик, — всхлипывает бомж, — я живу тут.

Я осматриваюсь получше: вот подобие кровати из ящичков и гнилого матраса, вот коробка с объедками, поодаль туалет в виде бутылки с мочой.

— Ну, так и живи дальше, я же не мешаю тебе. Чего ты ко мне полез?

— Ну, как же, — Эдик неловко одевается, руки, все испещренные колодцами от инъекций, слушаются плохо. — Я думал, ты умер уже. А у меня знаешь сколько уже не было никого? Никто не хочет Эдика, — он опять всхлипывает. — А ты умер. Ну, я и подумал...

— Нет, я жив.

— Я понял уже. Только не бей меня.

— Не буду. Вообще я уйду сейчас, седи себе дальше.

— Хорошо.

Я прохожу вдоль труб, раскидываю завал из хлама и проникаю в тесный низкий лаз. Здесь темно, но у меня есть зажигалка, я всегда ношу ее с собой, чтобы нюхать оттуда газ. Жар почти невыносим, а идти приходится внаклон, спина болит нещадно, пот ручьями катится с головы. Я задыхаюсь, еще немного и я потеряю сознание. К счастью, вскоре я чувствую движение воздуха — наверх уходит нужный мне колодец.

— Поднимайся, — Инна говорит так внезапно, что я пугаюсь.

Ступени здесь не такие изношенные, как у Эдика. Я с трудом сдвигаю тяжеленную крышку люка и выбираюсь наверх.

— Найди выход из подвала, — говорит Инна.

Ей легко говорить. Подвал это целый лабиринт темных коридоров и комнат. Я натыкаюсь на нужную дверь случайно, но она заперта, как и половина остальных.

— Ломай.

— А охрана?

— Что-нибудь придумаешь. Ломай.

К счастью, дверь оказывается непрочной и вылетает из коробки с нескольких пинков. Эхо жуткого грохота раскатывается по всему зданию. Теперь они точно знают, что я тут.

— Пошел!

Я бегу вверх по лестнице, и мне постоянно слышатся торопливые шаги позади, но, обернувшись, я вижу лишь пустые пролеты. Сердце колотится, страх заливает сознание липкой смолой. Я стараюсь вдохнуть побольше воздуха, но это плохо помогает: воздух превращается в стекло и оно застревает в легких угловатыми глыбами, распирая грудь, царапая изнутри острыми краями.

Вот и нужный этаж, пустая приемная и та самая дверь. Я хватаю ручку.

— Стоять! Руки!

Это все-таки случилось.

Я поднимаю руки и медленно разворачиваюсь. Сзади стоит охранник и целится в меня из своего оружия.

— Вот ты сразу не понравился мне, сволочь! — говорит он. — Слишком скользкий. Думал, перехитришь меня?

Я не могу вымолвить ни слова от страха. Ноги начинают подрагивать, еще немного, и я упаду.

— Попался. Тебе конец. Мы говорили. Предупреждали.

— Все, пойдем, — охранник наклоняет голову, приглашая следовать за собой. — Хватит. Сейчас ментов...

Хрясь!

Охранник падает ничком, а позади стоит Эдик, в руках его кирпич.

— Н-на! Это тебе за то, что бил меня.

— Он тебя бил?

— Да. Я раз зашел к ним с главного входа погреться, а этот выгнал меня, да еще побил. Я еще пообещал ему, что отплатю, а он только посмеялся. Как теперь посмеешься, тварь? — Эдик наклоняется к лежащему и кричит на него. — Нечего мне здесь делать, да? — он снова бьет тело кирпичом. — Здесь таким, как я, не место? — хрясь! — Я вообще не человек? — хряп!

Я с усилием отвлекаюсь от происходящего и, стараясь не прислушиваться к мерзко хлюпающим ударам, вхожу в кабинет. Здесь почти светло: огромные окна пропускают достаточно света даже ночью.

— Я внутри.

— Прекрасно. Видишь картину? Снимай ее.

Абстрактное полотно занимает внушительную часть стены.

— Снять? Как?

Инна молчит.

Я приподнимаю нижний край картины и заглядываю за нее. Она тут же соскакивает с крючка и падает, рамка раскалывается, а сама картина опрокидывается, при этом угол стола протыкает в ней треугольную дыру.

На стене за ней виднеется дверца сейфа.

— Тут сейф.

— Вводи код.

— Как вводить? Тут какие-то ручки...

— Видишь круглую рукоятку с делениями? — я киваю, — прокрути ее влево, чтобы метка указала на девятнадцать. Затем вправо на сорок. Влево на восемь и вправо на двадцать один. Потом возьми за обычную ручку и поверни вниз.

Я делаю все как просит Инна, и дверца сейфа открывается с еле слышным щелчком.

Внутри лежит папка с документами и деньги.

— Бери папку и уходи.

— А деньги?

— Какие деньги? — Эдик заглядывает мне через плечо. — О, да тут вон их сколько. Я заберу.

Я пожимаю плечами. Эдик отталкивает меня и начинает совать пачки денег за пазуху.

— Я пошел, — говорю я. — Мне пора. Пока.

Я выхожу из кабинета. Тело охранника лежит там же, но поза его теперь крайне неестественная, и я мысленно радуюсь, что в приемной полумрак и не видно деталей. Мне приходится обходить его вдоль самой стены, потому что ковер вокруг пропитан чем-то темным, а я никогда не наступаю на темные пятна.

Спускаясь по лестнице, я опять слышу сзади то-ропливые шаги. Наверняка кажется, как и в прошлый раз.

— Погоди!

Нет, это настоящие шаги. Эдик догоняет меня у входа в подвал.

— Погоди.

— Чего тебе?

— Я им еще в сейф насрал.

— Что-о? Зачем?

— Потому что я не вор, — отвечает Эдик. — Деньги забрал, чтоб наказать их. Ну, вот, что-то оставил взамен. Сделка.

Я пожимаю плечами и лезу в люк.

— Что дальше? — Эдик пыхтит сверху, сдвигая тяжелую крышку. — Ты дальше куда?

Я не знаю. И Инна все еще молчит.

— Сначала надо выбраться отсюда.

Подземный ход преодолеваем молча.

— Ты иди, — Эдик валится на свою засаленную лезжанку, — а я посплю. Эдику надо отдохнуть.

— Пока.

Мне тоже не помешало бы немного отдыха.

— Она у тебя? Папка? — Инна опять внезапно говорит, когда я вылезая из кустов сквера на тротуар. Уже светает.

— Да, вот она.

— Отлично, — я слышу ее улыбку. — Отдай ее и иди домой.

— Кому отдать?

— Мне, — из-за столба выходит приземистая женщина и протягивает руку.

— Это Нина Шубурова, моя помощница, — говорит Инна. — Все хорошо, ей можно доверять.

— Хорошо.

Я отдаю папку. Нина бегло просматривает документы, кивает и быстро уходит прочь.

— Спасибо, пока все, мы с тобой свяжемся, — говорит Инна и оставляет меня один на один с просыпающимся городом.

4

Следующие несколько дней — два? три? больше? — я нахожусь в странном полузабытьи. Солнце всходит и прячется, город дышит шумом, плюется дождями и растворяется в ночи, из крана капает вода, а я — что делаю я? Я не хожу на работу, не ем, и, кажется, не сплю, хотя это трудно определить. Реальность слишком размыта, я борюсь с собой, чтобы не потеряться в серой мгле. А еще я переживаю за охранника, надеюсь, он поправится.

Такое может продолжаться долго, я знаю на собственном опыте. Не помню лишь одного: как остановить это. Но я и не хочу ничего останавливать, мне почти комфортно, по крайней мере голоса теперь такие же невнятные, как и все вокруг, и не беспокоят меня.

Струи холодной до звона в ушах воды хлещут плетьюми, мир рассыпается, как разбитое стекло в закопченном окне, а за ним открывается настоящая реальность — яркая, шумная и отчетливая.

— Соберись! — звонкая оплеуха придает еще сил. Нина вытаскивает меня из ванны, швыряет мне полотенце. — Вытирайся и приходи.

Я выхожу на кухню и спотыкаюсь о лежащего человека. Нина сидит за столом, перед ней на грязной клеенке моя чашка и та самая папка.

— Это кто?

— Я не знаю.

Нина кидает в человека вилку, тот едва слышно стонет во сне. Рядом с ним на полу окурки и шприцы.

— Что ты тут устроил?

Я пожимаю плечами.

— Ладно. У тебя следующая задача.

— Что? Задача? — на плите закипает чайник, шум его наполняет меня тревогой.

— Да. Ты помнишь, как ты раздобыл эти документы? Чаю, кстати, налей мне.

— Это я помню, да, — вру я. В памяти только смутные обрывки.

— Ну так вот. Надо еще раз.

— Еще раз?

— Да что ты все переспрашиваешь! Да, еще раз. Сходить еще кое-куда и забрать кое-какие документы. По дороге припугнуть одного человека. Понятно?

— Звучит просто.

— Оно и есть просто. Человека зовут Харламий Бабин, редкое имя, не забудешь. Чиновник из земельного комитета. К тому же казачий атаман. Общественник. Активист. В общем, редкая сволочь. Живет за городом, на даче в Кедровке. Один. Охраны мало или нет. Сейфа тоже нет, насколько нам известно. Заходишь, передаешь сообщение, забираешь докумен-

ты, уходишь. Сообщение тоже простое: «Мы знаем». И все.

— За городом? — у меня пересыхает во рту. За городом я бываю очень редко, и тому есть причины.

— А в чем проблема?

Я задумываюсь. Объяснить ей, почему мне нельзя за город? Но это длинная история, и я не все помню. Да она и не поверит... Что же делать?..

— Я так и поняла, — говорит Нина, не давая мне додумать до конца, и поднимается из-за стола. — Ну, я пойду. Чай у тебя говно.

Она переступает через лежащего человека и уходит. В коридоре слышится возня, грохот, а потом плач Эдика.

— Инна свяжется с тобой завтра, — кричит Нина из прихожей, — готовься пока.

Хлопает дверь.

Я прислоняюсь к косяку, не в силах пошевелиться. Через минуту на кухню под аккомпанемент причитаний и всхлипов вваливается Эдик.

— Опять Эдика бьют, — жалуется он. — А я что, я же ничего, я поздороваться хотел. А она... Ну, ничего, я ее запомнил. Эдик никого не прощает и ничего не забывает.

— Кто это? — я указываю на лежащего.

— Это?.. Это, понимаешь, человек, — Эдик чешет голову. — Человек — это звучит гордо...

— Вижу, что человек. Откуда он?

— Это друг мой! Человек человеку потому что кто? Потому что друг! Мой друг. Я его приютил и обогрел.

— У меня дома?

— Ми каса — су каса, — говорит Эдик. — Какая разница, чей дом. Ты сам разрешил нам тут пожить.

Этого я не помню, но раз Эдик говорит, значит, так и было.

— А что за баба у тебя была?

— Так... неважно, — я не хочу вдаваться в детали.

— Это твоя баба?

— Нет, ты что! По работе.

— Опять на дело пойдём? — Эдик приободряется и ставит на стол черный пакет для мусора. — Ну-ка, ну-ка, расскажи Эдику. Эдик поможет. Эдик любит помогать.

— Что? Нет, какое дело?.. А впрочем, ладно, — я уже начинаю думать, что вдвоем заниматься такими вещами лучше, чем в одиночку. — Завтра поедем.

— Поедем, поедем, — Эдик тем временем достает из своего пакета шприцы, какие-то баночки и мешочки, явно собираясь употребить вещества, — это хорошо, что завтра. Эдику надо отдохнуть. Эй! — он обращается к лежащему на полу. — Подымайся, Эдик принес.

Я не хочу видеть и слышать ничего этого и ухожу к себе в комнату.

Настроение неважное. С одной стороны, мой разум больше не рассыпается. Но с другой — как же не хочется никуда ехать. Как же это трудно и страшно.

Я прячу голову под подушкой и засыпаю под пока еще тихое бормотание проснувшихся голосов.

Утро встречает холодным туманом. Незнакомый человек по-прежнему лежит на полу, только поближе к двери кухни. Эдик тоже уже там, сидит на табуретке, зябко сутулится и прихлебывает бурюю жижу из стеклянной банки.

— Привет, хочешь? — он протягивает мне свое пойло, но я не могу пить это.

— Мне нельзя. Собирайся.

— Сейчас допью и пойдем. Что Эдику собираться? У меня все мое всегда на мне.

— Бери с собой, по дороге допьешь, нам пора.

До Кедровки добираемся электричкой. Я хочу купить билеты, но Эдик отговаривает меня, и мы едем зайцем. Меня это выводит из равновесия, и только четки помогают сконцентрироваться, впрочем, тщетно: на сорок пятом километре в вагон входит контролер. Я прилипаю к сиденью.

— «И безбилетник-мухомор краснеет от позора», — говорит мне контролер, и я вспоминаю, что все еще одет мистером Грибом. — Билеты предъявляем.

— Эх, до Кедровки чуть-чуть не доехали, — шепчет Эдик, брызжа мне в ухо слюной. — Ну ничего, ноги ми дойдем. Смотри. Я его отвлеку, а ты рви стоп-кран. Потом беги к Эдику на подмогу.

Не дождавшись моего ответа, он вскакивает с места, отталкивает опешившего контролера, с диким воплем бежит по проходу и скрывается в тамбуре.

— Сука! — контролер поднимается на ноги и несет-ся следом. — Стоять! — Из тамбура слышатся вопли и звуки драки.

Редкие пассажиры тихо переговариваются, взбудораженные происшествием. Самое время.

Я дергаю стоп-кран, благо он около моего места.

Визг тормозов и крики наполняют поезд, пассажиры падают с сидений, по полу катятся чужие вещи. Я ударяюсь головой и разбиваю бровь, но преодолеваю боль: нужно помочь моему дикому другу. Переступая через сумки и ноющих людей я выхожу в тамбур.

Контролер и Эдик душат друг друга в углу. Я бью врага по уху, и хватка его ослабевает.

— Окно! — хрипит Эдик. — Разбей!

Я озираюсь в поисках чего-нибудь тяжелого, но тамбур пуст. Я ударяю ногой раз, другой, и на третьем стекло вылетает.

— Помогай!

Эдик принимается выталкивать контролера в окно. Тот сопротивляется как может, но нас все же двое и мы пересиливаем. Враг выпадает из вагона, и Эдик следом за ним.

Я выпрыгиваю следом. Контролер уже пытается подняться, сбросив Эдика с себя, а вот мой друг не в лучшей форме: взгляд рассеянный, на лбу наливаются большая шишка от неудачного падения, ноги еле слышатся.

— Ходу! — Эдик опарашивает контролера внезапным ударом в нос и бежит прочь. Я тороплюсь за ним, слыша несущиеся вслед проклятия.

5

Я успокаиваюсь только на дальней окраине Кедровки.

— Смотри, какая сумка! — Эдик показывает черную сумку с круглым значком и надевает ее на себя. — У этой сволочи отобрал.

— У контролера? Зачем?

— А что он дерется? Зато теперь Эдик тоже контролер!

Дорога уходит все глубже в лес и вскоре упирается в решетчатые ворота.

— Мы у цели.

— Отлично, — говорит Инна. — Входи.

— Как войти? Тут закрыто.

— Ищи вход.

Я развожу руками.

— Пойдем вдоль забора, — говорит Эдик. — Может, есть дыра или что-то типа того.

Сетчатая изгородь с колючей проволокой поверху описывает плавную дугу через лес. Идти через заросли черники и кучи бурелома настолько тяжело, что у меня начинает колоть в боку. Впрочем, местность понижается и мы вскоре выходим к реке. Забор входит прямо в воду, но там и кончается.

— О, вот и чудно, — Эдик входит в реку и идет к краю забора, проваливаясь в ил. — Пойдем, тут неглубоко.

С содроганием я погружаюсь в мутную жижу. Главное — не думать, кто может в ней таиться. Они не нападут, не сейчас. Я закрываю глаза и иду наощупь. Я не смотрю на них, поэтому и они не увидят меня.

Вот и крайний столб. Я огибаю его и тут же проваливаюсь в воду с головой. Мир исчезает за завесой рыжей мути, удары сердца в ушах сменяет тревожный гул, за которым я различаю тысячи моих голосов. Они режут, стонут, кричат. Они боятся смерти, но предвидят ее.

— Иди. Шагай. Сделай шаг. Бестолковый. Зачем мы с тобой говорим? Надо было отказаться от тебя. Бросить. Оставить навсегда. Умрешь здесь. Нет, мы спасем тебя. Сделай шаг. Почему ты не шагаешь? Ты бестолковый. Ты умрешь. Умри. Вдохни. Впусти.

Грязная вода разрывает легкие нечеловеческой болью. Я больше ничего не вижу и не слышу, даже голоса тонут в потустороннем шуме. Скорей бы все закончилось.

Неведомая сила вырывает меня из бурой мглы: это Эдик приходит мне на помощь. Он швыряет меня на берег и бьет по животу, по груди, выгоняя грязь. Мир снова обретает цвета, а шум утихает. Я жив.

— Ты чего это?

— Не умею плавать, — вру я. Ему не нужно знать все.

— Понятно. Хорошо что Эдик был рядом. Эдик пловец хороший. Пойдем, ты готов идти?

Я киваю.

Вскоре путь наш преграждает еще один забор, на этот раз деревянный, но я с легкостью выламываю пару досок.

Посреди ухоженного участка — газоны, цветы, подстриженные деревья — высится безвкусный безобразный бревенчатый дом. В окне на первом этаже горит тусклый огонек: уже вечереет. Мы осторожно прокрадываемся к крыльцу. Дверь не заперта и даже приоткрыта.

Внутри много дерева, меха и кованого железа. Нас встречает чучело медведя, а на стенах развешаны рога, головы животных и муляжи оружия. А может, и не муляжи. Очевидно, хозяин из пьющих, но считает себя прекрасным охотником.

Мы осторожно проходим в кабинет. Он тоже весь наполнен атрибутикой токсичной маскулинности. Даже рыцарский доспех стоит в углу, немного покосившись.

Я подхожу к огромному резному дубовому столу.

— Где тут документы? Что искать?

— Смотри в ящиках. Бабин везде ходит с портфелем, ищи его.

Я выдвигаю ящик за ящиком из стола, в них бумаги и бутылки с алкоголем. Наконец, обнаруживается и кожаный портфель.

В тот же самый миг я подпрыгиваю от ужасного грохота: это Эдик опрокинул доспехи.

— Ой, — он разводит руками. — Он совсем хлипкий какой-то.

Эдик поднимает кирасу и надевает ее на себя, затем шлем, а потом хватает меч и несколько раз рассекает воздух со свистом.

— Эдик был бы хорошим рыцарем.

— Э, это чо тут происходит?

В дверях появляется хозяин кабинета, одетый в одни трусы. Он именно таков, каким его можно представить, глядя на дом: лысина, красное одутловатое лицо, килограммовый золотой крест в зарослях грудных волос, пивное брюхо, обезьяньи руки. В этих руках он держит ружье.

— Ты кто, сука, такой?

Эдик бросается на него с мечом. Бабин стреляет в ответ, и мой друг отлетает прочь.

У меня перехватывает дыхание, а желудок поднимается к горлу от ненависти. Я хватаю со стены первое попавшееся оружие — это оказывается булава — и швыряю в Бабина. Тот уворачивается, бросает рязренное ружье, подбирает булаву и идет в атаку.

Дальше я перестаю адекватно воспринимать реальность. Голоса взывают адским хором. Я парирую удары, швыряю в ответ предметы, кружусь вокруг мебели, и хотя это дается мне легко, спасает меня только толщина и неуклюжесть врага. Но в этом и его сила,

ведь я скоро устану, а он едва ли. Что будет тогда? Неужели это конец?

Бах!

Раздается выстрел, и Бабин ревет от боли, роняя булаву. Это Эдик, он жив! У него в руках дымится ружье, снятое со стены. Впрочем, заряд лишь дробь, и мешкать нельзя. Я ударяю врага головой в грудь и опрокидываю, тот валится на израненную спину, изрыгая безумный вопль, но тут же перекачивается и ползет на четвереньках к мечу, лежащему невдалеке.

Эдик насккивает на него, бьет по плечам, по затылку, но замахнуться как следует мешает кираса. Наконец, враг не выдерживает натиска и распластывается на полу.

— Мочи! — кричит мне Эдик и указывает на меч. — Башку ему сруби!

Я поднимаю с пола меч и подхожу ближе.

— Отпустите! — Бабин верещит и вырывается, но Эдик крепко держит его за шею. — Чего вам надо? Я все для вас сделаю. Хотите лес — я дам вам столько леса, сколько пожелаете, хоть дворец стройте.

— Руби его!

— Ах ты рыбий сын! Ты знаешь правила! Да я мог убить тебя сразу, как только ты вошел на мою землю! Бросить твое мясо стервятникам. Но не стал. Теперь и ты прояви милосердие!

— Не тяни! Мочи!

— Ты! С кем ты говоришь! Ты же нормальный человек! Отступи, иди с миром, пусть всего у тебя будет вдоволь. Оставь мне жизнь!

— Я говорю, а ты не слушаешь меня, — говорит Эдик. — Но ты слушаешь его тухлые речи. Почему? Разве это я напал на тебя? Убей его, покончим с этим.

Я стряхиваю оцепенение и замахваюсь мечом.

Удар.

Все кончено.

Обратно в город едем тоже на электричке. Когда мы выходим на конечной, меня накрывает. Насколько справедлива смерть Бабина? Да, это был плохой человек, потому что хороший человек не стал бы стрелять в других людей, да и убивать столько животных ради развлечения, но прав ли Эдик? Иногда мне кажется, что он безумен, поэтому его нельзя винить. А значит, вопрос в том, прав ли я? Или, может быть, я тоже безумен?

— Привет! — Нина появляется как из ниоткуда. — Давай портфель.

Я отдаю ей кожаный портфель Бабина.

— А у меня еще вот что есть, — Эдик показывает голову Бабина в своей черной сумке со значком контролера.

— Оу, — Нина кривится. — Это вот зря. Но, конечно, напугал так напугал, тут не поспоришь. Давай его тоже сюда. На этом пока все, Инна тебя найдет, — она торопливо уходит, унося с собой наши трофеи.

— И что дальше?

Я смотрю на Эдика. Сейчас он мне совсем не нравится.

— Я домой, — говорю. — И сними этот шлем, ты глупо выглядишь.

— Ой, а вот ты в своем грибе как будто выглядишь не глупо. Ну и иди домой тогда.

— Ну пока, — я покидаю своего друга и ухожу. Хотя теперь я не уверен, что он мне действительно друг.

Ноги сами несут меня в сторону дома, я чувствую, насколько я вымотан. Мне надо бы поспать день или два. Впрочем, вряд ли я смогу уснуть.

6

Войдя домой, я понимаю, что что-то меняется, что-то не так, что-то невидимое, глубинное. Может быть, это запах — в воздухе чувствуется тонкая нотка тревоги, как будто кто-то хочет задуть меня газом. Или это необычная тишина — плотная, тяжелая, как после поминок, даже голоса примолкают. Я прохожу на кухню, перешагиваю через все там же и так же лежащее человека, ставлю чайник, сажусь к столу. Руки мои дрожат и немеют, это не к добру.

— Зачем ты это сделал? Зачем убил Бабина? — спрашивает Инна.

— Мне пришлось, это была самооборона, — отвечаю я, хотя в глубине чувствую, что это неправда.

— Теперь ты убийца, понимаешь?

— Что?

— За тобой придут.

— Кто?

— Тебя ищут.

— Кто? Кто ищет?

— Ты сам знаешь. Ты такой бестолковый!

— Нет! — я вскакиваю с места. — Я тут ни при чем! Это все Эдик... Нет-нет, — я прозреваю. — Это ты виновата! Ты сказала мне поехать к нему...

- Разве?
- Конечно!
- Разве это была я?
- А кто?.. — тут я вспоминаю Нину и осекаюсь.
- Разве тебе приказывали убить его?
- Нет, но...
- Значит, это было твое решение?
- Да, но...
- Значит, это твоя ответственность. Неси ее.
- Ответственность?
- Конечно. Убийца, тебя ищут.
- Да кто, кто ищет меня?
- Все. Посмотри наружу. Осторожно. Они уже пришли за тобой.

Я приоткрываю занавеску и выглядываю в окно одним глазом. Спину мою пронзает ледяной штырь паники, а пуля в голове начинает дрожать.

Внизу у подъезда стоит полицейский, а с ним зловещая черная фигура — сам Дрекавац! Он будто чувствует мой страх и поднимает голову.

Мы встречаемся взглядами.

Удар.

Я понимаю, что все кончено. Дрекавац указывает на меня скрюченным когтистым пальцем, и полицейский тоже смотрит вверх. Он не может увидеть меня, ведь я скрыт за занавеской, но я отскакиваю от окна как ужаленный.

Сейчас они придут сюда.

— Тебя заберут. Мы не поможем. Нет, мы оставим тебя. Ты бестолковый.

Взгляд мой мечется по кухне и вдруг останавливается на серой папке с документами, все еще лежащей на столе. Если ее найдут у меня, они все поймут. Надо избавиться от нее! Скорее!

Я хватаю папку, мчусь в туалет и бросаю документы в унитаз, но они не проходят через трубу. Я вытаскиваю их, сминая и бросаю в воду комок за комком, а потом нажимаю на слив. Как назло, труба засоряется и вода переливается через край, разнося скомканные листки по полу. Что делать? В дверь уже стучат, это пришел полицейский. Времени совсем нет! Я собираю комки мокрой бумаги и набиваю ими рот. Стук в дверь становится все настойчивей, и я иду открывать.

— Оперуполномоченный Филатов, — говорит полицейский, показывая удостоверение. — Жалобы на вас поступают. Ненортас? Рамон Романович?

Я киваю, не в силах произнести ни слова: во-первых, от страха, а во-вторых, из-за слипшейся бумаги во рту, которая совершенно не жуеться.

— Латыш, что ли? Приятного аппетита. Я пройду? — говорит Филатов и заходит в квартиру. — У тебя тут вода в туалете.

Я киваю и машу рукой: мол, да, я знаю, все нормально.

— Где можно поговорить? — Филатов идет на кухню. Я в ужасе следую за ним. — А это кто? — он указывает на лежащего человека.

Я развожу руками, а потом показываю жестами: «Спит».

— А ты сам-то не наркоман ли часом? Ну-ка, руки покажи.

Конечно, я больше не наркоман. Я показываю вены, а они у меня, к счастью, теперь чистые: я не хожу на уколы уже несколько месяцев.

Филатов наклоняется к лежащему, щупает пульс, присвистывает.

— Никуда не уходи и к этому тоже не подходи. Вообще встань вон там у окна, — говорит он мне, а дальше включает рацию, — Шесть-шесть-шесть, это Филатов. Тут у меня труп.

— Хрюхрюхрю? — доносится из рации.

— Передоз. Давайте бригаду. Переулок Отдельный, восемь-четыре.

— Хрюхрю, хрюхрюхрюхрю, — сообщила рация.

— Ну, так, все-таки, кто это? — спрашивает полицейский у меня.

Я молчу: бумага во рту превратилась в огромный липкий плотный ком, который невозможно ни разгрызть, ни проглотить.

— Да что ты такое жуешь все время?!

Приходится выплевывать. К счастью, разделить документы уже нельзя, я спасен.

— Фу, ты бумагу ешь, что ли, дебил?

— Я случайно.

— Мда. Так кто это? — полицейский снова указывает на лежащего человека.

- Я не знаю, его Эдик привел.
- Какой Эдик?
- Мой друг.
- А фамилия у Эдика какая?
- Не знаю.
- Как не знаешь, он же твой друг?
- Да.
- Что «да»?
- Он мой друг.
- Но ты не знаешь его фамилии?
- Да.
- А где он живет, знаешь хотя бы?
- Да.
- Где?
- В теплотрассе.
- Бомж, что ли?
- Нет, он хороший.
- Он наркоман?
- Кажется, да.
- Понятно. А сейчас он где?
- Не знаю.
- А теплотрасса где?
- Около университета.
- Где именно? Университет большой.
- В сквере на Просторной.
- Ладно.

Филатов записывает что-то в свой блокнот, а я пытаюсь не выпустить наружу панику, переполняющую

меня. Теперь он знает про Эдика, а тот наверняка расскажет все, потому что злится на меня. Нельзя этого допускать! Надо что-то сделать. Нейтрализовать Филатова и предупредить друга.

Взгляд мой мечется по кухне, кажущейся теперь тесной и душной, и цепляется за чайник, шумящий на плите. Вот оно.

— Шесть-шесть-шесть, — говорит Филатов в рацию. — Ну, что там?

— Хрюхрю хрюхрюхрю, — отвечает рация. — Хрюхрю хрю хрюхрюхрюхрюхрю.

— Сука. Сколько можно говно пинать?

— Хрюхрюхрю, хрюхрю хрю.

— А-а-а! — это я ударяю Филатова по голове чайником. Кипяток выплескивается ему на плечи, за шиворот, он падает с табуретки и с воплями катается по полу.

— Хрю хрюхрю? Хрюхрюхрю?

Теперь не время медлить. Я распахиваю окно и прыгаю вниз.

Падаю я неудачно, боком, руку пронзает боль. Я кое-как сажусь, поднимаю глаза и вижу стоящего надо мной Дрекаваца!

— Ты куда собрался? — страшный директор хватает меня и ставит на ноги, а затем отвешивает пару коротких ударов в грудь и живот, так что я опять сгибаюсь пополам.

— Сука! Держи! — из окна доносится голос Филатова.

— Держу! — кричит Дрекавац и выворачивает мне ушибленную руку за спину. Боль в плече усиливается, но почему-то не дурманит, а, наоборот, делает все кристально ясным. Все звуки затихают, движения замедляются. Я вижу за полкой плаща черного директора на поясе кобуру и в ней старинный черный пистолет, покрытый тревожным узором. Я узнаю его даже через сто лет — то самое оружие, выпустившее роковую пулю. Вот оно, рукой подать.

Пуля тоже чувствует своего родителя, дрожит в голове, расталкивает обломки черепа, трещины огненными стрелами расходятся по костям, но я пока еще сильнее. И я знаю, что делать.

Преодолевая усилившуюся гравитацию, я поднимаю руку и хватаю пистолет. Вытащить его из кобуры я не успеваю — Дрекавац перехватывает мое запястье, вонзает в него свои когти, сжимает до хруста, но спусковой крючок будто сам ложится мне под палец.

Щелк.

Бах!

Хватка ослабевает, а враг с воплем припадает на колени, вся его штанина мгновенно пропитывается кровью.

Я отталкиваю его и скрываюсь за углом.

7

Я бегу по пустым улицам, сжимая пистолет, оставшийся у меня в руке после падения врага.

Мне нужно успеть раньше полиции. Найти Эдика, предупредить его.

— Куда спешишь? — говорит Инна. — Слишком торопишься. Ты не успеешь.

— Замолчи! — кричу я, пугая прохожих. — Все из-за тебя!

— Ты безумец. Ты разрушаешься. Ты сам все сделал. Сам ответишь за все.

— Нет, нет, замолчи!

— Ты сам все понимаешь. Зачем ты кричишь? Твоя душа разрушается. Послушай меня.

— Не буду слушать!

— Ты бестолковый! Я хочу помочь. Подсказать, что дальше. Ты не сможешь сам себе помочь.

— Я не буду слушать тебя! Нет!

Я должен это прекратить.

Пистолет так удачно лежит в руке. Я приставляю его к голове и замираю на мгновение. Сейчас все закончится.

— От этой пукалки проку не будет, — говорит Инна. — Ты же знаешь. Будет осечка, как и всегда.

Щелк. Осечка!

— Ну, собственно, я же говорила.

Я нажимаю на спуск еще и еще, но каждый раз впустую.

— Ты защищен моим волшебством, — говорит Инна. — Ты не можешь себе навредить.

— Отпусти меня. Я устал.

— Я не отпущу тебя. Ты мне еще нужен. Ты мне можешь.

— Что еще?..

— Сейчас — ничего. Я свяжусь с тобой.

— А что мне делать сейчас?

— Все, что ты хочешь. Что считаешь нужным.

— Мне надо найти Эдика.

— Хорошо, ищи.

Сквер уже совсем рядом.

Я торопливо спускаюсь в люк, срывая ладони.

— Эдик?

Тело лежит на грязном матрасе лицом к стене. Я бросаюсь к нему.

— Эдик!..

— М-м?

Он жив, но чем-то одурманен. Я сажаю его и привожу в чувство оплеухами.

— Эдик!

— А, это ты... — он рассеянно улыбается. — Как твои дела?

— Эдик, вставай! Надо уходить!

— Уходить?.. Но мне и тут хорошо...

— Вставай же! — я поднимаю его на ноги, он неожиданно легок. — За нами идут!

— А? Идут? Пускай... — Эдик начинает заваливаться обратно.

Так дело не пойдет.

— Эдик, послушай, — я снова придаю ему вертикальное положение и показываю пистолет. — Вот из этого оружия в меня стреляли. Понимаешь? Они опять нашли меня. Они все знают про нас. Я сбежал, но они скоро найдут нас. Надо уходить.

При виде пистолета Эдик немного трезвеет, хватается его и начинает вертеть в руках. Кажется, показать ему оружие — хорошая идея, должно быть, он сейчас придет в себя...

Бах!

Выстрел в замкнутом пространстве оглушает. Я не сразу понимаю, что слух в порядке, потому что помещение наполнено свистом: это струя кипятка хлещет из простреленной трубы. Вода обжигает ступни, воздух весь замещается вонючим паром, дыхание перехватывает.

— Уходим! — кричу я и волоку Эдика к лестнице.

— Не сюда! — он вырывается и убегает в туман, я спешу за ним.

Мы разбрасываем завал из разломанных ящиков и оказываемся в подземном ходу. Эдик быстро бежит внаклон, я едва поспеваю следом, цепляясь одеждой за потолок и трубы.

Наконец, гонка прекращается, мы преодолеваем невысокую лесенку, сдвигаем люк и выходим на свет.

— «...Согреши-и-ихом, беззаконновахом, неправдовахом пред тобо-о-ою!..» — пение врывается в уши. На нас надвигается крестный ход: священники в полном облачении, кресты, хоругви, иконы. Казаки с потными постными лицами несут позолоченный ящик.

Человеческая гусеница заглатывает нас и пропускает через свой извилистый пищеварительный тракт. Мимо нас проходят краснорожие камуфляжные казаки, безумные богомолки, тощие несчастные дети. Паника накатывает на меня липкой волной, я не могу находиться в такой толпе, потому что *они* любят толпу. А вдруг кто-нибудь из них подберется ко мне, а я не замечу?

— Идем, — Эдик тянет меня за руку и я повинуюсь. Мы идем с потоком поющих паломников, задевая их плечами, и я вздрагиваю от каждого прикосновения. Паника внутри не утихает, я как будто то и дело ловлю на себе угрожающие взгляды из толпы, но всякий раз, смотря в ответ, вижу лишь уши и затылки.

А вот Эдик, похоже, чувствует себя хорошо, и даже подпевает.

Крестный ход выползает на небольшую площадь, и тут же порядок сбивается, я вижу какое-то замешательство впереди. Хор стихает, вместо него слышатся крики негодования. Мы проталкиваемся в голову колонны, чтобы выяснить, в чем дело.

На площадь с противоположного конца входит и останавливается гей-парад. Его участники тоже возмущены заминкой, я слышу возгласы неодобрения с той стороны.

— Ну, дела, — протяжно шепчет Эдик.

До наших ушей доносится монотонное бречание, и на площадь с пением вползает колонна бритоголовых кришнаитов. При виде толпы, уже заполняющей пространство, сектанты сбиваются с ритма, барабаны и бубны затихают.

— Ну просто полный набор, — Эдик мотает головой. — Не хватало еще только...

— «...славного Октября! Великое дело партии будет продолжено! Товарищи! Мы с вами...» — голос, искаженный мегафоном, взрывает тишину и тотчас замолкает тоже.

С четвертой стороны на площади показывается демонстрация престарелых коммунистов, размахивающих своими кровавыми знаменами и портретами мертвецов. Все выходы теперь перекрыты! Куда нам бежать, если начнется заварушка? А она неминуемо начнется, я это чую. Паника снова поднимается к ушам тошнотворным свистом.

А потом я вижу полицейских. Они стоят вдалеке, одетые в шлемы и бронекостюмы, вооруженные дубинками и щитами.

— Смотри, — говорит Эдик. — И эти уж тут как тут.

Я оборачиваюсь и смотрю назад поверх голов, и там тоже вижу ряды блестящих на солнце шлемов. Окружение!

— Надо уходить — говорю я, — скорее!

Я хватаю Эдика за руку и мы вырываемся из толпы богомольцев, расталкивая первые ряды казаков и священников. Они падают наземь от неожиданности, роняют свой позолоченный ящик, он раскалывается и оттуда вываливается коричневая засохшая рука. Я зачем-то подхватываю ее и мы с Эдиком бежим через площадь.

— Мощи, мощи унес! — кричат сзади. — Держи его, хлопцы!

Бах!

Удар хлыста обжигает и без того болезненное плечо, оставляя на одежде длинную прореху, а на руке — отвратительную опухшую гематому. Я падаю на четвереньки, не в силах терпеть боль.

— У, сука!

В пелене боли я вижу, как Эдик разворачивается, выхватывает пистолет и открывает огонь по казакам. Выстрел за выстрелом, я слышу их очень глухо. Потные казаки и озверелые священники падают один за другим, их товарищи выхватывают шашки, плети и кадила, готовые атаковать, но и полиция приходит в движение, реагируя на стрельбу.

— Поднимайся!

Эдик хватается меня за здоровую руку, поднимает на ноги и тянет за собой. Мы влетаем в гомонящую

гущу гей-парада, а его участники, наоборот, уже бегут мимо нас навстречу казакам. Мы проталкиваемся прочь от потасовки. Крики позади становятся все сильнее, вскоре слышатся и хлопки полицейских гранат. Но мы уже далеко и скрываемся в подворотне незамеченными.

— Ну, можно выдохнуть, — говорит Эдик.

И я выдыхаю.

Голова начинает кружиться, боль уходит на второй план, я чувствую лишь изнеможение. Мир меркнет, я прислоняюсь к заплыванной стене. Слишком много всего происходит в последнее время. Я уже не справляюсь. Может быть, опять придется обратиться к доктору. Пуля в голове подрагивает, посылая волны тепла, словно соглашается со мной.

Эдик что-то говорит мне, но я слышу его как из-под воды. На всякий случай я киваю, он кивает в ответ, и мы куда-то идем. Я не помню дорогу: мир все еще мутен, да к тому же уже вечерет, и волосатые фонари превращают улицы в авангардный театр рыжих теней. Мы идем темными парками, пустырями и подворотнями, никого не встречая.

Все меняется внезапно, щелчком, точнее, звонком — обычным дверным звонком. Мир вновь обретает четкость. Мы в пустом полутемном подъезде, приглушенно говорим с кем-то через приоткрытую дверь. Оттуда поперек площадки падает полоса желтого света.

Эдик передает пачку денег и взамен принимает пакет, и тут меня отбрасывает к облезлой стене. Шляпа мистера Гриба падает с моей головы в темноту. Площадка наполняется топотом и голосами, я слышу треск выламываемой двери, а затем крики и грохот падающей мебели доносятся уже из квартиры.

— Облава, — шепчет Эдик, прижатый к стене рядом со мной. — Нехорошо-то как вышло. Сейчас подумают, что Эдик крыса. А Эдик не крыса.

— Что делать? — спрашиваю я.

— Погоди.

Шум и крики утихают, затем полицейские начинают выходить из квартиры и выводить каких-то людей.

— Это еще кто? — очень громкий голос сзади.

— Это вот нарк местный, хотел закупиться здесь.

— Закупиться? — громогласный подходит ближе. — Давайте сюда его.

Нас с Эдиком разворачивают от стены к нему, в лицо ударяет яркий свет из выбитой двери.

— Наркоман, что ли?

Эдик кивает, жмурясь от света.

— Часто тут закупаешься?

— Ну, так...

— Опознаешь барыгу?

Эдик разводит руками.

— Ну, конечно. Дебил, блядь! Пошел вон отсюда! И гриба своего забери.

Эдик опять кивает и бежит вниз по лестнице. Я поднимаю с пола потоптанную шляпу и иду следом.

Страх парализует волю, я снова не понимаю, что происходит, и просто шагаю, стараясь не отстать. Куда он идет? Кажется, вокруг знакомые здания, но теперь глухая ночь и все вокруг выглядит по-другому. Мы входим в темный подъезд небольшого дома, поднимаемся на второй этаж и встаем у опечатанной двери.

— Открывай, — говорит Эдик.

— Как я открою?

— Открывай, это твоя дверь.

И действительно. Видимо, я уже на грани, если не узнаю свою квартиру. Я отпираю замок и срываю полицейскую пломбу.

— Надо отдохнуть, развеяться, — говорит Эдик и проходит прямо на кухню. Незнакомца больше нет на полу. Эдик садится к столу и достает свои наркоманские причиндалы.

— Стой, не делай этого! Не сейчас! — хочу сказать я, но молчу. Кто я такой, чтобы решать за него? Я ухажу в комнату, чтобы не видеть дальнейшего, ложусь на кровать и накрываю голову подушкой, и звуки мира исчезают, уступая место моим голосам. «Зачем ты оставил его?» — говорят они. «Ты бестолковый. Он разрушает себя, а ты разрушаешь свою душу»

— Он волен сам решать свою судьбу, — говорю я.

— Ты споришь?! Ты споришь! Остановись, послушай. Ты слышишь нас? Мы о тебе заботимся.

— Это ложь! Вы только пугаете и обижаете меня.

— Одумайся. Сколько можно? Мы заботились о тебе, защищали тебя, но ты отвернулся. Бросил нас, не слушал. Теперь мы оставим тебя без защиты. И ты умрешь. Разрушишься!

— Это тоже ложь, вас не существует.

— Мы есть, мы здесь, ты слышишь нас. Ты отвечаешь. Почему? Потому что мы есть. Мы друзья. Мы помощники. Мы спасаем тебя. Всегда. Постоянно.

— Нет, нет! — кричу я. — Замолчите!

— Остановись. Вернись к нему. Он умрет, и ты тоже умрешь.

«Он умрет».

Я вскакиваю и бегу на кухню, спотыкаясь о тело на полу, но где же Эдик? Кухня пуста. Я возвращаюсь в коридор, перешагиваю через тело, ищу везде, но в квартире никого больше нет.

Лежащий человек издает невнятное мычание. Я переворачиваю его, и меня бросает в дрожь. Это Эдик лежит поперек коридора, и изо рта у него идет пена. В одной руке он сжимает шприц, а в другой — пистолет Дрекаваца.

— Эдик! — кричу я и трясу друга за плечо. — Эдик, очнись!

Постепенно сознание возвращается к нему. Он открывает глаза, но лицо его искажено болью.

— Что ж, теперь я должен стать призраком, чтоб воссесть с духами мертвых, и не видеть тебя больше.

— Что ты несешь?

— Я видел, — продолжает Эдик, — Они собрались и решали мою судьбу.

Они! Сердце мое выпрыгивает из груди.

— Пусть умрет невинный Эдик — так они сказали.

— Нет, нет.

— Небеса рыдали, и земля отвечала им, и я был между ними. И явился темный человек... Руки его были как лапы льва, с когтями вместо ногтей, и он схватил меня. Я хотел ударить его, но он увернулся так быстро!

Я стою в оцепенении, слушая Эдика, и наполняюсь ужасом.

— Он ударил меня, опрокинул, повалил наземь и растоптал, как дикий бык... Я звал тебя, звал на помощь, но ты не пришел, ты был слишком испуган...

Я закрываю глаза руками, не в силах сдержать слез.

— А затем он утащил меня в дом тьмы...

Голос Эдика стихает, я не слышу его больше, а дыхание становится поверхностным.

День, другой, третий лежит Эдик. Кажется, ему становится хуже, но страх парализует меня. Я не могу ничего сделать с собой. И я не могу подойти к умирающему другу. Сколько времени проходит? Я не знаю. Десять дней, может быть, больше. Я снова как в тумане, хожу из комнаты в туалет и обратно, стараясь не смотреть в коридор.

— Мой друг ненавидит меня! Мой друг, что прошел столько битв со мной, покинул меня!.. — эти

слова Эдика будто дают мне сигнал, разрушают оцепенение, парализующее меня и мою волю.

Я мысленно собираюсь с силами и прикасаюсь к нему, но поздно: сердце его больше не бьется.

8

«Он умрет, и ты тоже умрешь».

Я пла́чу.

Я плачу уже много дней.

Почему?

Скорблю по ушедшему другу. Но скорбь понемногу уступает место страху. «Он умрет, и ты тоже умрешь». Я больше не верю голосам, потому что Эдик мертв, а я все еще жив. Они обманули меня, как всегда, но в одном они правы: Эдик смертен, значит, и я тоже. Значит, и я когда-нибудь умру.

Я не хочу умирать. Не хочу! Не хочу!..

Страх рождает панику, а паника пробуждает голоса. «Забудь, — говорят они, — забудься, чувствуй сейчас. Ты здесь, все остальное исчезло. Все растворилось».

— Но я не хочу умирать! — кричу я в пыльный потолок.

— Смирись. Ты умрешь. Все умрут. Мы тоже умрем вместе со всеми. Это неважно. Забудься!..

Это длится часами. Иногда я устаю кричать, и тогда голоса набрасываются на меня все разом, захлестывают своим шипением, и я проваливаюсь в тревожное забытие, а когда выныриваю — вижу замызганные

стены, черное тело на полу в коридоре, а злая лампочка на потолке пронзает меня лучами беспокойства, и страх вновь поднимает голову, и все повторяется. И с каждым разом тело оказывается все ближе и все чернее, оно поглощает свет, вбирает в себя мир и меня. И наконец, когда я оказываюсь с ним вплотную, лицом к почерневшему лицу, я понимаю, что все кончено и голоса правы. Он умрет, и ты тоже умрешь. Страх выходит из меня криком, а потом все заканчивается.

— Просыпайся, стрелок.

Услышав обращение, я разлепляю веки и тут же зажмуриваюсь снова, спасая глаза от гнойно-белесого света, сочащегося через мутное окно.

Я лежу у себя в коридоре, подо мной на полу черное пятно, а Эдика нет рядом. Мои онемевшие руки скрещены на груди, я не могу пошевелить ими, как не могу двигать и ногами.

— Вставай, — ладонь Инны легонько встряхивает плечо. — Пойдем.

Тело пронзают тысячи игл — оцепенение спадает, и я снова могу двигаться, но как же это больно! Я вижу, что в левой руке моей зажата рука мумии, отнятая у богомольцев, а в правой — пистолет Дрекаваца. Интересно, он еще заряжен?

— Убей ее! Застрели! Из-за нее все началось. Она все подстроила. Обманула тебя.

Это правда.

Я выбрасываю руку вперед — хотя на самом деле медленно разгибаю, преодолевая боль — и целюсь в голову этой страшной женщине.

— Не стоит, — она берет пистолет за ствол и отводит в сторону от себя. — Я желаю тебе только добра. Помнишь? — она касается моего лба, и пуля вновь обжигает меня, жидкий огонь разливается по трещинам в черепе. — Пойдем.

— Куда?

Она молча помогает мне подняться, и вот уже мы идем по спящему городу, а колючий ветер швыряет в нас рыхлые хлопья первого снега.

Призрачное свечение ртутного фонаря будто пробуждает меня. Впереди видно какое-то движение, дорожная техника рычит, высвечивая фарами беснующиеся снежинки.

— Вот мое дерево, — говорит Инна, я вижу огромный ствол и плакучие ветви. — Пятнадцать лет назад я посадила его здесь. Выловила саженец из реки, представляешь? Теперь пришла пора свалить его. Но тут постарался твой старый знакомый из АД-а. И я не могу срубить мое собственное дерево! И меня это очень печалит.

— Почему?.. — и тут я вижу активистов, собравшихся вокруг. Лица их перекошены от ненависти, на плакатах — истерические лозунги.

— Вот это — Змейский, — Инна указывает на человека, приковавшего себя к стволу. — Совершенно невменяемый, недоговороспособный тип. Дрекавац

использует его для всякого рода... акций. Там рядом Антон Зудов, тоже, наверное, знакомый тебе. Привел своих учеников. И, конечно, старая диссидентка Лилит Веселкина. Эта всегда тут как тут, лишь только собирается какая-нибудь массовка.

— И что делать?

— Придумай что-нибудь. Им здесь не место. Мне нужно это дерево. Пошел.

Она хлопает меня по плечу, и оцепенение будто спадает с меня, и я понимаю, что нужно делать. Я вхожу в световое пятно от фонарей бульдозеров, пересекаю небольшую аллею и приближаюсь к дереву.

Активисты что-то кричат и беснуются, но я не обращаю на них внимания. Моя цель — Змейский.

Он видит меня, прищуривается и изрыгает проклятия — действительно, похож на змею. Но я просто подхожу к нему и отвешиваю ему смачную оплеуху. От неожиданности он оседает и нелепо изгибается, но упасть не может из-за оков, а его сподвижники бросаются ко мне. Я выхватываю черный пистолет и стреляю в цепь.

Коварное оружие трясется в руке — или это оно само стремится ранить и убивать? — и пуля вместо цепи попадает в запястье безумца. Кровь хлещет фонтаном, оставляя на снегу размашистые следы. Змейский отползает в сторону, сжимая раненую руку: дерево освобождено. Шум и крики окружают меня. Активисты роняют плакаты и бросаются врассыпную, скрываясь в глубине сквера.

Я возвращаюсь под тусклый фонарь, где все еще ждет меня Инна.

— Готово.

Только сейчас я понимаю, как бешено колотится мое сердце, как жжет каждую жилку чудовищное давление. Инна прикасается к моей щеке, словно снимая накопленный электрический заряд, и тут-то меня и накрывает. Ясность мысли сменяется липкой мутью, а к горлу подкатывает волна страха. Я едва не падаю от внезапного бессилия.

— Пойдем, — слышу я сквозь шум в ушах.

— Куда?

— Туда. Тебе это нужно.

Злая женщина тянет меня сквозь усиливающийся снегопад, я покорно иду следом,

— Ты хорошо потрудился, — слышу я голос Инны. — Тебе нужно отдохнуть. Успокоиться. Привести себя в чувство. Исцелиться. Но не ходи домой. На тебя плохо влияет этот дом. Тебя с ним связывает слишком многое. Слишком много воспоминаний. Плохих воспоминаний. Ты никогда не излечишься, если будешь там. Ты разрушаешься в нем. Я вижу. Я хочу помочь тебе. Потому что ты все еще нужен мне. Поэтому не возвращайся. Слышишь? Не возвращайся туда. Они могут прийти туда, прийти за тобой. А здесь ты в безопасности. Среди людей. Потеряйся, растворяйся в толпе. Мне нужно отлучиться, но я вернусь, когда будет пора. Тебе надо отдохнуть, развеяться...

Голос постепенно стихает и тонет в змеином шипении ветра. Я не замечаю, как остаюсь один на безлюдном бульваре, и только буран беснуется белой стеной вокруг. За пеленой снега я чувствую угрозу, какое-то движение, и стреляю туда не целясь. Безрезультатно.

— Ты бессилён! — слышу я грозный голос, тревожно знакомый.

Страх подстегивает меня, и я бегу. Куда я бегу? Прочь, прочь отсюда — с этих пустынных улиц, из этого города, а если удастся, то из этого мира.

Река падает поперек пути черной лентой, смолисто сверкающей в смутном свете редких фонарей.

Я стою у кромки и гляжу на воды реки, медленно утекающие к далекому уже морю. Наверное, так выглядит место вечного упокоения: там тоже всегда тишина, предзвездный полумрак, и так же бесконечно текут летейские воды, приносящие радость забвения.

Если бы не холод, я бы хотел остаться здесь навсегда и вечно смотреть на снежные хлопья, беззвучно тающие в темной воде.

Но скоро взойдет солнце, и все переменится. Да и мне нельзя оставаться на месте: они идут за мной по пятам, что бы там ни говорила Инна.

Фонари гаснут, мир становится синим, и сквозь завесу снега проступают очертания древней крепости на противоположном берегу, красные раздвоенные зубцы красных стен, красные огни на шпилях башен. Я чувствую, что мне не нужно смотреть туда, и с огромным усилием отвожу глаза, как будто чья-то воля ме-

шает мне это сделать, притягивает мой взгляд, чтобы вытянуть через него душу.

Мимо плывут два бревна, сплетенных корнями. Вот оно, вот то, что мне нужно. Я вспрыгиваю на них, не замочив ног. Что же будет дальше? Взгляд мой снова поднимается к крепости и на долю секунды она словно исчезает, заменяется бесформенной темной массой — нет-нет, отнюдь не бесформенной! Чудовищная чаща черных пинаклей, аркбутанов и колонн, кажущаяся хаотичной, но на деле подчиненная строгому плану, просто план этот нечеловеческий, настолько чуждый, что даже кратчайшего мига созерцания его хватает, чтобы ввергнуть меня в глубины ужаса. Паника поднимается внутри, хватается за горло. Я оборачиваюсь и вижу сквозь сереющую муть темные силуэты людей позади на берегу. Один из них, самый черный, протягивает ко мне руку. Страх овладевает мной полностью, движет моим телом, оно само скидывает пистолет и стреляет.

Щелк!

Осечка, или кончились патроны?

Щелк! Щелк!

Пистолет бесполезен против своего хозяина.

Рука поднимается выше и направляет холодный ствол в висок. Что ж, это тоже выход. Может быть, в этот раз сработает.

Щелк.

Я отшвыриваю в воду бесполезное теперь оружие. Черный человек опускает руку и кричит, но снегопад

уже скрывает его совсем, съедая слова. Фигуры преследователей и линия берега теряются в синеватой мгле. Остаемся только мы: я, снег и вода.

Я спасен. Страха больше нет.

Я ложусь на свой утлый плот, не в силах более держать эту тяжесть на плечах. Тишина вокруг, и серая снежная дымка, и медленные волны усыпляют, и я поддаюсь. Я не хочу больше бороться, идти, двигаться. Хочу плыть по течению. Пусть меня унесет к самому краю мира, где устья всех рек. Может быть, там смерть не найдет меня.

9

— Проснулся, жалкий? А я уж думал, ты сдох совсем.

Где я?..

— Где я?

— Далеко, — говорит старик, сидящий напротив. Из одежды на нем лишь драные семейные трусы в клеточку да шляпа, насаженная по брови, а тело покрыто странными татуировками: жуки, коробки, крюки, молотки, медузы, мезузы, ужи, ежи, моржи, бомжи, зайцы, яйца (куриные, треснутые) и тому подобный хлам, и все парами.

Я осматриваюсь. Вокруг стены, криво оклеенные газетами, старая, рассевшаяся мебель, пол и шкафы, теснящиеся вдоль стен, полны мусора. Еле тлеет тусклая лампочка. Что-то приглушенно бормочет дрянной черно-белый телевизор. В ржавой печке шипят сырые дрова.

— Кто ты? — лицо собеседника знакомо, но воспоминание ускользает как угорь в ил, я не могу схватить его за хвост.

— Вопрос в том, кто *ты*, — говорит он, — и зачем прибыл сюда.

— Кто я?..

Кто я? После всех недавних встреч и событий я уже не тот, что прежде, я чувствую изменения. Но кто я тогда? Не знаю.

— Отчего твое сердце в смятении, а лицо измождено? Отчего ты исполнен печали?

— А отчего мне не быть в смятении? Не быть изможденным? Ведь мой друг Эдик, с которым мы прошли столько трудностей, мой любимый друг мертв и обратился в глину. И я понял, что и я смертен. И утрастился смерти.

— Что ж, такова судьба человека. Никому не избежать конца. Мы строим дома, заключаем договоры — но не знаем, надолго ли. Смерть не видно и не слышно, но она всегда рядом, готовая сломать нас как сухой тростник, — старик переламывает ветку и кидает ее в огонь.

— Но я не хочу умирать! — восклицаю я, глаза мои увлажняются, а голос дрожит. — Это несправедливо! Неправильно!

— Хорошее желание, — собеседник кивает. — Но, как говорится, хочешь быть счастливым — будь. Не хочешь умирать — не умирай.

— Да ты издеваешься надо мной? — я вскакиваю, руки сами сжимаются в кулаки, а кулаки летят в лицо старика, раз, другой, и еще, и еще. — Как я могу не умереть? Как, объясни ты мне, старая сволочь, если ты сам только что сказал, что никому не избежать конца?

Но он лишь смеется в ответ, пуская кровавые пузыри из разбитого носа. Ему все нипочем! Я отшатываюсь в ужасе, и тут же пропускаю удар в кадык. Мир сжимается до размеров экрана телевизора, на котором сквозь рябь проступают фигуры: суровые люди в шинелях, с винтовками, шагают по грязной дороге под пасмурным небом, а вокруг — гарь, разруха, смерть.

Смерть!

Я закрываю лицо руками. Куда бы я ни шел, куда бы ни взглянул — везде она, явная и не очень, ждет моего часа.

— А ты молодец, — слышу я сквозь шум в ушах, — Поднимайся.

Меня сажают на стул, в руках моих появляется горячая кружка с вонючим пойлом, и я понемногу успокаиваюсь.

— Казаки? — он указывает на мое плечо. — Чертовы казаки. Всегда бил их и буду бить, покуда смогу. И ты должен бить. Они боятся нас, главное — натиск. Они вообще трусливые.

Я отхлебываю мерзкой жижи — вашу мать, какая гадость! — и киваю. Дрянь сдавливает горло, ударяет в голову как кузнечный пресс, по всему телу прокатывается колючая волна.

— Что это за дерьмо?

— Хорошо, да? Теперь послушай старика. Я ведь был как ты.

— Как я?

— Молодой и боязливый.

— Я не боязливый.

— Конечно-конечно, — старик крошит кривой ко- чергой уголь в печке. — И умирать ты не боишься. Ты пей, пей.

Я понимаю, что этого делать нельзя, но все равно снова отхлебываю жгучей желтоватой жижи. Язык и пищевод уже ничего не чувствуют, но желудок еще пытается помочь мне и вытолкнуть отраву обратно.

— Терпи, держи в себе! — старик хватает меня за горло, пресекая рвотные позывы. — Тебе это нужно.

Я чуть не разрываюсь внутри, но очередная волна ежей разбегается по телу и рвота отступает, а пальцы немеют окончательно.

— Так-то.

Я вглядываюсь в лицо старика. Насколько он стар? Тысяча лет ему, или больше? Губы в глубоких трещинах, глаза, спрятанные под кустистыми бровями, посеревшее от снега и дождей лицо.

А злая жидкость тем временем, кажется, попадает прямо в кровь и вытесняет ее из меня, бежит по сосудам, поражая каждую клетку моего тела. Я не чувствую рук и ног, пустая кружка падает на пол, а с ней и я сам.

— Теперь еще кое-что.

Старик приоткрывает дверцу печки и вытаскивает оттуда чугунные щипцы. Их губки раскалены до оранжевого свечения.

— Ну что, поможем убогому?

Лицо мое обдает жаром, я чувствую запах горелого железа.

— Что... Зачем это?

— А сам как думаешь?

— Не надо!..

— Надо. Она тебе мешает. Надо ее удалить.

Она?

— Она, — старик тыкает кривым пальцем мне в лоб. Стрелы боли разлетаются по голове, я вспоминаю пулю и все с ней связанное. Значит, он тоже видит ее. Значит, она не вымысел, не галлюцинация! Значит, я здоров. Но это значит, что и все странные, страшные события последних дней тоже реальны!..

— Удалить? А я не умру?

— Все умрем. Помолчи-ка.

Щипцы касаются моей кожи, обжигают, но боли я не чувствую. Зато ее чувствует пуля. И я превращаюсь в нее, в маленький кусочек металла, сплавленного с проклятием, чувствую, как раскаленный чугун сжимает мой хвостовик, вдавливается в меня, прочно вваривается в мою оболочку — не отделить. Паника охватывает меня, я дрожу, я мечусь между противодействующими силами. Первотолчок, пославший меня разрушить голову бесполезного человека, все еще побуждает меня лететь к цели. Странный паралич, охвативший меня в момент проникновения, все еще не отпускает, не дает пошевелиться. И вот теперь раскаленные тиски тянут меня назад. Я кричу от боли

и напряжения, кажется, я сейчас разорвусь на куски — но нет, тело мое выдерживает. Боль выходит из меня волнами вибрации, голова человека трещит, кости расходятся все шире, может быть, хоть так я смогу выполнить свою задачу.

Щипцы сжимают меня еще сильнее, и я слышу слова. «Усу дингир-нга ни-нга батиль». Это то, что написано на мне, вождено в мою свинцовую плоть, это моя суть и мое имя, и теперь оно произнесено вслух, и я проваливаюсь в себя. Вселенная вокруг рвется в лоскуты и я вижу себя висящей в пустоте, а три чужих разума устремляют ко мне из бесконечности свои мерцающие дрожащие щупальца. Они звенят от безумного натяжения, и я понимаю, что это не может продолжаться долго.

Щипцы усиливают натиск, и равновесию наступает конец, самая старая черная нить лопается, за ней голубая. Огненная же нить, наоборот, утолщается, будто напитываясь их силой, охватывает меня еще туже, закручивает и тянет к себе, опутывая обжигающим коконом. Я чувствую, как плавится свинец, раскаляется, нестерпимо белеет и разлетается облаком ядовитого пара. Боль последней вспышкой озаряет меня и гаснет в темноте тлеющими буквами: «Мезу нумузу».

10

Пуля проклятого лежит у меня на ладони, кусок черного свинца и железа, исписанный заклинаниями. Теперь она безвредна, но она сделала свое дело. Я снова сижу на колченогом стуле в зачумленной хибаре.

— Ты бестолковый. Все пули расстрелял. Бросил пистолет. Хорошо, что эта осталась, — старик перемещается по комнате и что-то ищет в ящиках и на полках, заваленных рухлядью.

— Почему?

— Чтоб убить Черного.

— Как? Пули его не берут.

— Уверен?

— Конечно! Я же стрелял в него! То есть пытался стрелять, ничего не вышло.

— Ты лжешь мне. Зачем ты лжешь? Ты лжец?

— Я не... — тут я осекаюсь, так как понимаю, что старик прав.

— Да-да, — кивает он. — Ты ранил его. Такой вот точно пулей. Из его собственного оружия. Он уязвим, если застать его врасплох.

— А как его застать? Он... Он ведь какой-то колдун!

— Но ты же смог. Смог тогда — сумеешь и снова.

— Не сумею... Да почему вообще я должен убивать его? — кричу я. — Мне это не нравится, я не хочу! Я не убийца.

— Ты-то да-а, не убийца, — тянет старик, — конечно.

— Да! То есть нет! — я пытаюсь подняться, но ноги еще не слушаются. — Зачем ты заставляешь меня это делать? Убей его сам, если тебе это так надо.

— Нет, это тебе надо.

— Почему?

— Понимаешь, какая штука, — старик вытаскивает из очередной кучи мусора здоровенный дилдо. — Пока он жив, ты в опасности, под смертью ходишь. А ты ж у нас не хочешь помирать.

— Не хочу.

— Ну, вот видишь. А Черный хочет убить тебя. Поэтому или он, или ты.

Ненавижу выбирать. Даже когда выбор кажется очевидным. Именно потому, что когда так кажется, все на самом деле куда сложнее.

— Ну, хорошо. Предположим, я... — я спотыкаюсь на слове «убью». Я не убийца! Не хочу его произносить. — Предположим, я с ним покончу. А дальше? Я же останусь собой, останусь смертным.

— Это вряд ли, — старик стоит спиной ко мне и что-то мастерит. — Такие дела меняют людей. Собой ты точно не останешься. А насчет смертности...

Он отрывает от стены кусок газеты и протягивает мне. Там виднеется фотография Льва Толстого и обрывок статьи, который я читаю вслух:

— «...Есть живоблот. Когда ты схватишь его, его шипы пронзят твои руки, как роза. Но цветы его и плоды дадут силу и даруют жизнь без конца». Что за живоблот, что это такое? Что это за дичь, я спрашиваю?

— Какой еще живоблот, ты что там читаешь? — возмущается старик. — Это блоттер.

Я переворачиваю листок. На обратной стороне вместо газетных полос — ряды крошечных черно-белых портретов незнакомых людей.

— Латвийские Социал-Демократы. Целый съезд. Здорово, правда? Все хорошее в мире от грибов. Но и все плохое тоже. Такой вот парадокс.

— Что?.. Какие социал-демократы?

— Латвийские. Бери любого и ешь.

— Что?.. — я начинаю понимать, к чему он клонит.

— Да, вот так. Думаешь, почему психоделики запретили даже для медицинского использования?

— Почему?

— Потому что они меняют человека. Точнее, человек сам меняется после их применения. Становится свободным.

— Свободным? От чего?

— От всего. От предрассудков, от навязанных мнений. От человеческого, если угодно. От себя самого.

От страха. Ты же у нас боишься. И что тебе делать с этим? А?!

— Что делать?

— Одно из двух. Либо устранить предмет страха, либо сам страх. Хотя это одно и то же в конечном итоге. Поэтому — вот, — старик указывает на блоттер. — Три раза в день вместо еды. До полного исчезновения симптомов.

Я еще раз смотрю на портреты давно умерших людей. Что ж, хуже уже едва ли будет. Я пытаюсь аккуратно оторвать недобро глядящего Юриса Целминьша.

— Не здесь! — старик грубо останавливает меня. — И не сейчас. Сначала дело.

— Какое дело?

— Хорошая у тебя рука, удобная — он игнорирует мой вопрос, вместо ответа показывая мне странную конструкцию. Моя рука мумии сжимает в кулаке розовый дилдо, из кончика которого как клюв торчит черная пуля.

— Что это?! — я встаю со стула от неожиданности.

— Оружие, — отвечает старик и взмахивает этим приспособлением как ледорубом. — Против Черного. Да, выглядит не очень. Но это самое лучшее, что я могу предложить.

— Ты серьезно хочешь, чтобы я вышел против колдуна вот с этим хером собачьим?! — я принимаю безобразный ледоруб и тоже взмахиваю им. Он рассекает воздух с хищным свистом. Надо же, а он не так плох, как выглядит.

— Это единственный шанс. Или ты его, или он тебя, запомни. А теперь иди, тебе пора.

— Пора?

— Вон отсюда, древолаз! — кричит старик и указывает кривым пальцем на дверь. — И не возвращайся никогда!

Я выхожу на промерзший пустырь на задах замерзшего завода, пряча дилдоруб под одеждой. Опустевшая рана во лбу болит нещадно, хотя, разумеется, на ощупь кожа абсолютно гладкая.

А ведь старик прав. Или Черный убьет меня, или я его. Поэтому надо рискнуть.

Товарищ Целминьш и четверо его сопартийцев отправляются под язык. Я иду убивать.

11

Сейчас снова ночь, но я знаю, куда идти: в небе горит бледным пламенем огромная восьмиконечная звезда. Она словно зовет меня, манит к себе. В ее мертвенном свечении люди похожи на призраков — серые, с тусклыми, искривленными лицами, выцветшими глазами, они медленно плывут мимо меня, тихо бормоча молитвы. Снег идет вверх, деревья покрыты стальными иглами, дома смотрят на меня и говорят со мной, мостовая становится чешуей змеи, что извивается под ногами, стремясь сбросить меня, но я иду, невзирая на все преграды. У меня теперь один путь.

И вот его конец. Снова стою я на берегу реки, звезда сияет в небесах над головой, а напротив меня вместо крепости щетинятся шпили черной башни. Кажется, они извиваются.

Я миную мост и оказываюсь на стройплощадке: здесь идет благоустройство площади. Но теперь, при неверном свете проклятой звезды, местность кажется полем боя. Рывины превращаются в воронки, канавы — в окопы, из-под земли тут и там торчат истлевшие тела. Серые тени проносятся надо мной: это ангелы смерти пришли за душами павших. Они скрежещут и свистят, и хор моих голосов вторит им.

Пригибаясь, бегу я через опасную площадь, но вдруг ударом в живот меня останавливает страх. Он исходит из гробницы у самой стены, вытекает оттуда густой горячей смолой, рыком проклятий гудит в ушах. Я сгибаюсь пополам и падаю на колени, слезы текут из глаз ручьями. Как же я не хочу приближаться. Хочу бежать прочь, дальше от этого места, как можно дальше, зарыться в мох и потеряться навсегда.

Значит, мне нужно внутрь.

Я поднимаюсь. Каждое движение дается с трудом. Я вхожу в невидимый поток, он обволакивает, сжимает меня, вытесняет воздух из легких. «Остановись, одумайся! — визжат голоса. — Ты умрешь! Пропадешь! Разрушишься! Повернись!»

— Нет!

Шаг за шагом я приближаюсь к темному провалу входа. Кажется, я уже слышу скрежет, с которым вытекающий оттуда страх перепиливает мои кости. Дыхания и сил не остается совсем, но я иду. Иду, пока не упруюсь в черный камень двери.

Вот и все. Дальше путь закрыт, а значит, это конец.

Или нет?

Я наваливаюсь на дверь всем телом, упираюсь ногами в изрытую мерзлую землю, призываю в помощники всю свою ненависть, и тяжелая створка нехотя подается, проскальзывает внутрь и начинает открываться.

Я вхожу.

Все меняется. Страх исчезает, пропадают ужасные звуки и удушье. Гробница темна, пуста и холодна. Я спускаюсь по вытертым ступеням в погребальную камеру.

— Ну привет.

Дрекавац — Черный — выходит из-за стеклянного саркофага, полного пышной плесени, испускающей призрачное сияние. Я молчу.

— Фу, как невежливо. Впрочем, чего еще ждать от наркомана. С чем на этот раз пришел?

— Я убью тебя.

— Вот так просто убьешь? Чудесно, чудесно.

— Я серьезно.

— Ой, это кто тут такой серьезный? — Дрекавац все ухмыляется, отчего я ненавижу его еще больше. — Ты хоть знаешь, кто я? Кто мы? Кто вот это, наконец? — он показывает на саркофаг.

— Мне это не нужно.

— О, мой юный друг, как ты ошибаешься. Это нужно всем вам. Ну, скоро будет нужно.

Я молчу.

— Как там ваша башня? — спрашивает вдруг Дрекавац, но сам тут же отвечает: — Я же говорил, ничего у вас не выйдет. А у меня выйдет, уже вышло. Видишь, что это? — он обводит руками помещение. — Она хотела построить гробницу на тысячелетия, но ее не хватило даже на один век.

— Что значит «не хватило»?

— Видишь ли, скоро эта гробница падет. Да, очень скоро! — Дрекавац подходит ближе и заглядывает мне прямо в глаза, слово ища там что-то. — Благоустройство близится к завершению. Защита истощена, наши жертвы не прошли даром!

— Какие жертвы?

— Вы, людишки. Вы любопытны. Вас влечет неизвестное, запретельное. А что может быть запретельнее смерти? Вы боитесь ее и наслаждаетесь этим страхом, ищете его. Разве можно этим не воспользоваться. Знаешь, сколько людей побывали здесь за этот век? Миллионы. Когда кто-то из них не выходил обратно, никому не было дела: подумаешь, заблудился в лабиринте, отыщется, — Дрекавац хихикает, а потом указывает на пол. — Они все здесь. Все до последнего. Отдали свою жизнь ради общего дела... А впрочем, что я с тобой, с наркоманом, это обсуждаю. Ты же пришел сюда не говорить.

— Верно.

— О, ты не представляешь, как верно. — Дрекавац берет меня за плечо и подводит к саркофагу. Там в сплетении красноватых нитей плесени едва видно почти человеческое тело. Огромная голова расширяется сверху, как шляпка гриба. Поза мертвеца неестественна и выражает страдание.

— Немногие из вас видели это так близко, — говорит Дрекавац. — Цени. Ты, можно сказать, избранный. Во всех смыслах.

— В каких это всех?

— Ты последний, — говорит он. — Понимаешь? Мы почти закончили. Осталась последняя жертва. И ты тут как нельзя кстати.

В руке его сверкает лезвие ножа из темного стекла. Ну уж нет.

Недолго думая, я приседаю и наношу ему удар в промежность. Похоже, боли он не испытывает, но от неожиданности отшатывается назад, давая мне немного времени. Я вскакиваю и залезаю на саркофаг.

— Глупец! — кричит и беснуется Дрекавац. — Все predetermined!

Но дотянуться до меня своим ножом он не может: саркофаг слишком высок. Я быстро осматриваюсь. Единственный предмет в этом помещении помимо моего островка безопасности — это большой канделябр на потолке. Я пытаюсь допрыгнуть до него раз, другой, и еще. Через несколько прыжков крышка саркофага раскалывается и я падаю прямо в заросли плесени. Ноги с омерзительным хлюпаньем проваливаются в насквозь прогнившее тело, а Дрекавац истошно кричит. В этом крике ужас и ненависть, злоба и страх. Лицо врага становится жуткой маской, он хрипит и бьет своим ножом по стеклу, оставляя глубокие царапины.

— Тебе конец! — рычит он. — Нгенна, баугге-эн!

Помещение наполняется шумом ветра, и я понимаю, что скоро к врагу прибудет подмога. Значит, надо действовать быстро. Я хватаю мерзкое тело, оно

чавкает и расползается прямо в руках, безобразная голова его свешивается набок и едва не отпадает. Отплывываясь от гнойной жижи, я вытаскиваю странного мертвеца на крышку саркофага, вылезая за ним и поднимаю тело над собой, благо оно неожиданно легкое.

— Му-зу габадахаламе! — Дрекавац прыгает и машет ножом, но, похоже, он совсем безумен: глаза выпучены, волосы и борода торчком, рот перекошен.

Я бросаю тело прямо на него. Он роняет нож, подхватывает останки и бережно опускает их на пол, бормоча что-то нечленораздельное.

Вот теперь пора.

Я спрыгиваю ему на спину, когда он глубоко наклоняется, и еще в полете достаю свое оружие. Дрекавац падает прямо на тухлого мертвеца, разбрызгивая гниlostный сок, а в следующий миг я ударяю врага по голове. Дилдо входит в череп как в масло — или это проклятая пуля помогает ему. Враг тотчас же оседает, я вытаскиваю ледоруб из его головы и выпрямляюсь. Вокруг меня кольцом стоят черные демоны, вызванные колдуном, стоят неподвижно, как будто упершись в невидимую стену. Ветер не шумит больше, и в гробнице опять мертвая тишина.

Я с удивлением смотрю на труп черного колдуна и на круглую дыру посередине затылка. Крови нет, в ране лишь темнота.

А затем...

В дыру начинает со свистом втягиваться воздух.

Хор моих голосов расплескивается яростью, и демоны вторят им, разлетаясь в стороны, как будто разбросанные взрывом, а откуда-то снизу, извне, доносится глубокий рык, от которого дрожат колени, а сердце замирает.

— Зачем... — это голос Инны прорывается сквозь шум, — последняя жертва... завершил их работу... теперь нужно... иди...

Иди.

И я иду.

12

Лишь два шага успеваю я сделать, прежде чем гробница разлетается в пыль, и все стихает. Я стою у подножия черной башни, бледная звезда по-прежнему угрожает мне с небес. До самого горизонта простирается белая песчаная равнина, и никого вокруг.

— Остановиссь, — слышу я вкрадчивый шепот — или это опять мои голоса хотят напугать меня?

Но нет. Я чувствую прикосновение и смотрю вниз — мои ступни охвачены нитями светящейся плесени. Я оборачиваюсь. Колдун исчез, а вот грибоголовый здесь, он жив, стоит сзади и смотрит на меня.

— Ты могуч, Нинурта, — говорит он. — Убил Асага. Хочешь занять его место?

— Нет.

— Совершать великие дела?..

— Нет.

— Управлять судьбами людей??.

— Нет!

— Изменять мир?..

— Нет, нет!

— Жить вечно?!

— Нет!.. — кричу я, но голос предательски дрожит. Жить вечно! Я совру, если скажу, что не хочу этого.

Я смотрю на ноги: красная плесень пульсирует уже на уровне колен.

— Ты колеблешься, — говорит грибоголовый. — Это правильно. Подумай-ка хорошенько. Такого рода решения следует взвешивать всесторонне.

Я пытаюсь думать, но паника подкатывает к горлу, и мысли путаются.

— В сущности, от твоего решения не зависит ничего, — продолжает грибоголовый. — Будешь ты жить или умрешь, подумаешь, какая мелочь. Мир даже не заметит этого. Я не замечу. Я жил, жив и буду жить. Ты ничто передо мной. Но я иду тебе навстречу. Ты заслужил мое внимание. Подумай, что за возможность я тебе даю! Такой не бывало ни у кого.

— Ты умрешь, ты все равно умрешь! — визжат голоса. — Мы оставили тебя, и теперь ты пропадешь, сгниешь. Ты уже умер, покрылся плесенью. Ты бесполезный. Ты потерялся, пропал, растратился, исчез. Ты не принадлежишь себе. Но ты не наш, нет, не наш. Ты ничей, ничей. Никому не нужен. Вещь, ты вещь. Тебя бросили все...

Я в ужасе наблюдаю, как светящиеся нити прорастают через мою одежду и кожу, проникают в самые кости, в сосуды, наполняют меня своим ядом. И вдруг приходит осознание: грибоголовый специально запутывает меня, тянет время, он ждет, когда плесень охватит меня целиком, чтобы завладеть моим телом!

Вот уж нет.

— Ну, как, решил?

Я поворачиваюсь к врагу и снимаю с головы шляпу мистера Гриба.

— Решил.

Наконечник из черного металла тускло блестит в свете мертвой звезды. Я сжимаю дилдо покрепче.

— И что же решил? — но я не отвечаю. Это не нужно.

Я наносю удар прямо в лоб, туда, где кости уже повреждены. Пуля чувствует это и сама устремляется вперед.

Знакомый тошнотворный хруст, знакомые искры боли вдоль трещин, шум в ушах, сквозь красные пятна я вижу, как грибоголовый в ужасе протягивает ко мне руку и заваливается набок, падает, его шляпка откатывается в сторону.

Пуля мечется, чувствуя близость развязки, но не может отделиться, слишком прочно вклеена. А вот дилдо застревает. Я не могу вытащить его, но и внутрь он не идет. Шум в ушах становится нестерпимым, я падаю на землю в бессилии. В небе звезда разлетается на осколки, они сияющим градом осыпают равнину и башню, разбивают черные шпили и галереи, поднимают тучи сверкающей пыли. Даже голоса утихают, пораженные невероятным зрелищем.

Но свет все же угасает, и воцаряется тьма.